

**По
рог**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Фото Владимира Мусаева

Александр Потемкин

СТОЛ

Повесть

Издательский дом «ПоРог»

Москва 2013

УДК 82-3
ББК 84-4

П 64

П 64 **Александр Потемкин**
СТОЛ, повесть - М.: ИД «ПоРог», 2013 — 224с.
ISBN 978-5-902377-46-7

Можно ли любить стол? Да! Стол приносил невероятные радости чиновнику Дульчикову. Он просто обожал свой СТОЛ! Весь смысл жизни этого господина заключался в одном: уберечь свое сокровище от посторонних.

Другие книги Александра Потёмкина вы можете найти в книжных магазинах или заказать в ИД «ПоРог» (тел. 8-495-611-0339)

© А. Потемкин, 2004

© И. Резников, оформление, 2004

ISBN 978-5-902377-46-7

С Т О Л

Аркадий Львович Дульчиков провел по бровям ваткой с репейным маслом, припудрил на шее неизвестного происхождения синячок, затушевал специальной английской пудрой редкие бесцветные волосы, взглянул на себя в зеркало, сузил глаза, повесил на воротничок щеки, надел отутюженный ведомственный китель с погонами и генеральской звездой государственного советника третьего ранга, вышел из уборной служебных апартаментов в кабинет и в приподнятом настроении расположился в кресле за своим столом начальника одного из отделов очень важного российского министерства. Тут он восторженно взглянул на портрет главы государства, стоявший справа на дубовой консоли, бросил мимолетний взор на вазу со свежим букетом цветов и приказным тоном

столоначальника сказал: «Да, кх-кх, голубчик, теперь ты можешь начать рабочий день. Держи в руках честь стола! Никому никакого спуска!». Эта фраза, брошенная самому себе, была вымолвлена таким повелительным тоном, что могло создаться впечатление, будто господин Дульчиков любил приказывать не только подчиненным или приглашенным на служебный ковер, но и себе самому. Аркадий Львович открыл газету с сообщением о продлении задержания под стражей известного господина Х-кого и положил ее на край стола — небрежно, но так, чтобы она тут же бросилась в глаза посетителю. С каким-то тайным умыслом он двумя руками взялся за свой дубовый стол, словно проверяя, насколько прочно стоит его стержень жизни, расцеловал его, и не просто так, формально, но с чувством, даже страстно. Потом открыл повлажневшие глаза, протер их салфеткой «Темпо» и, обратясь в чтящего закон чиновника, снял трубку прямой связи с секретарем и жестко, коротко бросил:

— Любовь Леонидовна, я начинаю прием.

— А можно мне на секунду?

— Кх-кх, валяй...

В кабинет вошла Любаша Попышева, высокая, эффектная блондинка. Ей было не больше двадцати трех лет. Короткая джинсовая юбчонка, высокие шпильки, обтягивающая лиловая трикотажная кофточка. Пухлые, цвета закисшей вишни губы плотно сжаты, большие зеленые глаза смотрят прямо на господина Дульчикова. Она подошла к нему вплотную. Легким прикосновением мягких пальцев дотронулась до висков, грудью скользнула по мужскому плечу.

— Может... сейчас... развалитесь... Львович? — каким-то вялым тоном спросила она.

Он взглянул на нее отсутствующим взглядом, размышляя совсем о другом. В приемной первым дожидался доступа к его столу господин Махахорин. У него был очень важный разговор. Вторым шел Вад-

больский, следом — остальные: Мамедов, Кузякин, Гусь и Трещалов. Потом предстоял обед, который Дульчиков часто проводил с заведующим канцелярией министра Петром Петровичем Сапегой в ресторанчике на Чистых прудах. На послеперерывное время записались Клещивцев и госпожа Елена Дмитриевна Куракина. «Всякий раз поутру много серьезных дел. Да и послеобеденную публику нельзя забывать. Их капитал звенит в ушах чиновников», — добродушно, без злобы размышлял Аркадий Львович. Впрочем, столоначальник тут же залез левой рукой под юбку секретарши и в задумчивости, с невозмутимым спокойствием, как-то между прочим, стал тискать ягодицу блондинки Попышевой. Делал он это совсем даже не эротично, а как-то спортивно, с приложением недюжинной силы. Складывалось впечатление, что сам он не понимал, чем был занят. Что происходило все это оригинальное чудачество вне его сознания, помимо его рассуждений. «Особенно надо по-

трясти Махахорина. Да и другую публику. Они денег зарабатывают ворох. А как дурят-то государство, как унижают матушку Россию!» — внутренний монолог генерала был напыщенно патриотичен.

— А Вячеслав Семенюра прибыл? — спросил он.

— Да! Дождется клиентов, — бросила смиренная Попышева.

— Этот тоже мошенник высшей гильдии. Ну, ты иди, Любаша. Зайдешь ко мне с клубничным вареньем после Кузякина. Публике скажешь, что у меня телефонные переговоры с представителем правительства. На телефонные звонки отвечай, что я на совещании. Но на лист записывай, кто звонил! Что, довольна, кх-кх?

Она улыbnулась, прошептала «yes», показала ему язычок, сжала локоть и вышла из кабинета. Закрывая дверь, устало подумала: «Ну и ладно... Да и какая разница?»

«Ей бы только того... — усмехнулся про себя чиновник. — Из женщин бюрократ ни-

как не получится. Их мысли ломаного гроша не стоят. У них все одно в голове!» Довольный своим аналитическим рассуждением, господин Дульчиков включил агрегат обнаружения подслушивающих систем, намурил брови, кисло скривил рот, надел на краешек носа очки, принял усталый, деловой вид и стал ждать посетителя.

В кабинет вошел полненький, невысокий мужичок лет шестидесяти. Нос крупный, воспаленный и покрасневший на крыльях, подбородок в угрях, глаза небольшие, круглые, карие. Вишневые туфли, кремовые брюки, голубая сорочка с отвисающим от тяжести карманом на груди и торжествующая улыбка как-то сразу напрягли государственного советника третьего ранга.

— Ба, приветствую вас, дорогой Аркадий Львович! Лучшие пожелания вам от всех членов Святого Синода Русской православной церкви. Вы православный?

Вижу, что верующий. Такие люди нужны христианской вере.

Столичный бюрократ уже готов был признаться, что да, крещеный, но посетитель, похоже, спешил. Явно не собираясь его слушать, он торопливо продолжал:

— Есть уйма православных, жертвующих свои деньги на восстановление разрушенных храмов и финансовой независимости православия. Вот, буквально на днях: скончалась знатная особа, некто Амелякина. Она завещала церкви деньги, драгоценности, картины. Даже экзотических животных! Но есть ведь и люди, не располагающие капиталом, но дарящие приходам благородные поступки. Недавно...

— Так-с, никак не пойму, о чем идет речь. Что вы от меня хотите, кх-кх, благородный человек? — и господин Дульчиков наигранно зевнул.

— Я присяду?

— Да.

— Вам звонили сверху о моем визите?

— Откуда сверху?

— С самого-самого.

— Не припомню. Кто должен был звонить? Митрополит Кол-кий?

— Что вы! Берите выше, выше! — самодовольно перебил столоначальника улыбающийся посетитель.

— Простите, как ваша фамилия?

— А вы меня не признали?

— Пока нет.

— Такя же Семен Семенович Махахорин! С Соф-кого завода. Его директор и правая рука самого-самого. Ба! Обижаете. Не признать Махахорина... Я же друг вашего шефа!

— Начальника департамента?

— Министра.

— Министра? Мне никто ничего не говорил, — соврал чиновник. — Но, кх-кх, в чем, собственно, дело? Чем могу помочь такому симпатичному человеку?

Господин Махахорин взглянул на брошенный заголовок газеты, отодвинул ее, выпучил глаза и в гневе бросил:

— Плохо делился! Таких людей российский мир не уважает. Подумаешь, Х-кий! Вчера Х-кий — сегодня пшик. Ноль, бублик без мака! Живешь — давай жить другим. А то президентом захотел стать... Если делиться не научился, то как в президенты-то? Ба! Но вернемся к моему вопросу, — опять заулыбался Семен Семенович, да так радостно и сердечно, что вызвал недовольство чиновника.

«На самом этом директоришке пробу негде ставить, а он Х-кого поносит! Вредно это, не по-русски», — мелькнуло в голове у Дульчикова.

— Вы, конечно, знаете, с каким невероятным трудом восстанавливается русская церковь. Сколько храмов разрушено прежним режимом, какое количество священников было замучено извергами. Но где взять деньги для воскрешения святынь? Надо же ежедневно производить все необходимое для церковной жизни: праздничные календари, свечи, иконы, стихари, потиры, кадила, кадильницы,

крестики и так далее. Тут, Аркадий Львович, капитал необходим огромный. В настоящее время такую широкую номенклатуру товаров выпускать — изворотливость нужна и связи с богоугодными людьми. Ведь все это делается, чтобы в душах россиян опять воцарился дух Христов...

«Когда это он в них был? Не припомню! Но пусть туман напускает. Чем больше красивых слов, тем ближе суть дела. Видно, этот тип — пройдоха высшей гильдии. А тебе, голубчик Аркадий Львович, о другом надобно думать. О доходах! И не просто о мелочах, а о солидном капитале», — размышлял столоничальник.

— В прошлый раз церковь просила ваше ведомство об освобождении от налога на добавленную стоимость. И Бог помог: прежний руководитель департамента господин Наврайский снял с нас НДС. Ожили! Лампады и свечи, паникадила и латунные венцы озарили храмы. Слово Божье зазвучало с новой силой!

«Этого пьяницу давно сняли», — подумал генерал.

— Но теперь — новая беда. Не дает она Святому Синоду и всем православным христианам спокойствия и душевной благодати! — Тут Семен Семенович понизил голос и заговорщически прошептал: — Мы лишаемся основного символа, главного знака нашей веры — креста... — В этом месте господин Махахорин остановился и пронизательным взглядом впился в невыразительные глаза столоначальника.

— Как так, упаси Бог? — почти вскричал господин Дульчиков. — Какая же вера без креста, без образа воскресения? Что, наши чиновники, кх-кх, налог или лицензию на изготовление крестов ввели? Тут, любезный, мешкать недопустимо! Пусть ваш самый главный с письмом к президенту обратится. Что за порядки вводит этот Мреф? Налог на крест! Тут я категорически против. Готов публично выступить в своем отделе: в этом законе совершенно нет никаких на-

циональных интересов. Впрочем, может, все же есть какой-то резон. Вот в старые времена кресты делали из ткани, кожи, из рыбьей чешуи. Сегодня можно спички ниткой обмотать, смастерить крест из молодой березовой поросли, вылепить из глины, изогнуть проволоку, наколку разведенной сажеей сделать. Татуаж нынче, кх-кх, в моде. Готов вам помочь советом. Или вы желаете чего-то другого? У вас имеется заявление в адрес нашего ведомства или на мое имя? Оставляйте его, симпатичный господин Махахорин, начнем работать. Старт для деятельности нашего брата чиновника — всегда письменное обращение.

— Ой, спешите вы, уважаемый! Тут еще подумать надо, что и как писать! Вопрос непростой. Вначале дело требуется решить, а потом уж письмо готовить. Или я не прав?

— Помилуйте, скажите все как есть, а то я вас не совсем понимаю. Говорите, кх-кх, чего же решить-то надо?

— Надо снять акциз. Это по вашему ведомству. — Тут улыбка слетела с уст Семена Семеновича, и он требовательно уставился на столоначальника.

— С чего акциз-то снять? Ведь кресты делаются не из акцизных материалов! Олово, медь, алюминий... Что, вы хотите сказать, кх-кх, снять акциз с золота? С серебра? — в страхе, как-то приглушенно произнес Аркадий Львович. А про себя радостно подумал: «Так вот что задумал этот мошенник высшей гильдии! Ну, ты, голубчик, господин Дульчиков, его не выпускай. Тут большая нажива!»

— Да! Именно так, любезный генерал.

— Так-с, да как же это возможно? Золотые кресты делает не только завод православной церкви. Все ювелирные мастерские страны занимаются этим бизнесом! На это ежегодно уходит десять тонн золота и двадцать — серебра. Если средний крестик тянет на семь граммов, то мы имеем один миллион пятьсот тысяч золотых и три миллиона серебряных крестов в год. Пусть цена

одного крестика тянет на одну тысячу рублей, или тридцать долларов. Выпуск только золотых крестов даст оборот в сорок пять миллионов долларов, а акциз составит, кх-кх, около трех миллионов в год. Кто позволит так беспардонно грабить страну?

— Давайте договариваться. Аркадий Львович, умница вы наш, какие будут предложения?

— Передо мной лежит закон, какие же тут могут быть варианты для размышлений? Вы находитесь в государственном ведомстве. В пятистах метрах от Администрации Кремля!

— А у меня предложение есть, — опять заулыбался Махахорин, да так лукаво, что столоначальник от испуга даже вздрогнул. — Можно высказать?

— Говорите!

— Никто не услышит?

— Кроме меня, тут никого нет.

— Речь идет о пяти тоннах золота.

— Да, и что?

— Мне нужно акцизное освобождение на пять тонн золота.

— Лихо берете! Вы хотите прикарманить два миллиона долларов бюджетных денег?

— Прикарманить? Церковь просит вас помочь, чтобы не вызывать у верующих чувства ненависти к правительству. И так, а нынче особенно, чертовщина гуляет по России!

— Послушайте, я чиновник. Переживания верных прихожан, кх-кх, меня не интересуют. На службе моя Библия — закон.

— Даем пятьдесят тысяч долларов за десять тонн золота. Они должны быть свободны от акциза.

— Вы, буквально только что, говорили о пяти... Но меня этот вопрос вовсе не интересует. — Дульчиков отвернулся и стал демонстративно перекладывать бумаги на столе, про себя усмехаясь: «Точно, он мошенник высшей гильдии. Притворяется, как артист с Малой Бронной. Цену вопроса занижает, как закупщик у оптовиков».

— Акциз же не вами снимается! Вы готовите лишь пакет документов в правительство, умнейший Аркадий Львович! Основные расходы нас ожидают именно там.

— Милый человек Семен Семенович! Ваше предложение меня не заинтересовало. Оно дурно пахнет, к тому же проблемы религии меня не мотивируют. Лишь два раза в году — на Рождество и Пасху — мне приходится вспоминать, что существует церковь. Вы хотите призвать меня к нарушению закона во имя религиозных приоритетов. Золотой крест, золотая цепочка, что у вас еще? Это ли нужно доброму христианину? Вам бы храм, молитву, кх-кх, мешковину на тело да кагор. А вы о золотых крестах печетесь! Спасаете души или развращаете православных пилигримов?

— Наш заводик, любезный генерал Дульчиков, — это субъект внутрицерковного хозяйствования. Церковь отделена от государства, что позволяет ей иметь производство для собственных нужд. Золото для нас

— материал, украшающий скудный быт прихожан, наши праздники. Зачем верующим, придерживающимся наших постулатов, по ювелирным салонам шататься? Конфессиональную золотую атрибутику пусть у нас покупают. Дешевле! Без акцизов! Все освящено служителями церкви. Ведь религии нужен капитал, любезный Аркадий Львович! Как православные соборы поднимать? Из каких источников финансировать реставраторов, каменщиков, иконописцев?

— Кх-кх, деньги нужны всем. «Geld, Geld, Geld, ruft die ganze Welt»*, — задумчиво и как-то мечтательно произнес столоничальник.

— Ба! Я как раз и подумал, что если вы лично начнете вести этот гуманитарный проект, то мы сможем заплатить вам сто тысяч долларов. Одним траншем. Вперед! По любому адресу! Хоть наличными! Хотите — имуществом по ценам БТИ, хотите —

* «Деньги, деньги, деньги — кричит весь мир» (нем).

драгоценностями. Скажите только, какими именно. Все будет в ажуре! Люблю платить за помощь в развитии бизнеса, тем более такого важного. Согласны? Начинаем работать? Скажите «да» — и тут же будет выложена премия.

— Ой, Семен Семенович, меня трудно соблазнить! Это пустое дело. Оставьте! За свой стол я держусь самозабвенно. Я до мозга костей государственный служащий. Все, что вредно стране, тяжелой болью отзывается в моем сердце. Выводите меня из игры, кх-кх, и действуйте. Министерство у нас большое. Если будет прямое распоряжение сверху, я препятствий чинить не стану. Без проблем дам свое согласие. Подумайте, я вас не тороплю.

Господин Махахорин на секунду действительно задумался. «Пойду на стол выше — запросит больше, без распоряжения бросит все дела Дульчикову, и этому А. Л. все равно придется платить. Пойду еще на один стол выше — тот возьмет тридцать процен-

тов от разницы в цене вопроса, сбросит все без подписи на стол ниже, а тот попытается ухватить меня за карман и опять сбросит работу Дульчикову. Нет, пока лучше с А. Л. продолжать. Он ключевая персона. Интересно, на какой сумме он согласится? Предложу-ка я ему сто пятьдесят».

— Да что тут думать-то? Лучше с вами дело иметь, чем министерские пороги обивать. Не турбаза же ваше ведомство! — рассмеялся Семен Семенович. — Даю сто пятьдесят тысяч. Начнем работать, дорогой вы наш. По рукам, генерал! Неужели вы сами хотите послать меня наверх? Чтобы премия осталась на другом столе?

— Вы не убедили меня, любезный. В прихожей народ толпится. Можете жаловаться, что государственный советник третьего ранга Дульчиков пренебрежительно отнесся к нуждам Святого Синода, Русской православной церкви, директора завода и так далее... Можете даже снять меня, отнять у меня стол! Хотя он для меня — жизнен-

ная опора. Я без стола, что другой без семьи, без родины... Так что вот так! Был рад с вами пошутить, Семен Семенович. Если возникнет какой вопрос...

— Минутку, подождите! Прошу вас. Я еще не все сказал. Главный аргумент оставил на последнюю минуту. Дайте собраться с духом. Смелость в этом деле нужна особенная... Дам двести пятьдесят тысяч долларов за полный разрешительный пакет! — твердо, со злостью в голосе произнес Махахорин. Впрочем, он тут же свою твердость и злобу сменил на улыбку и доброжелательность.

Наступила пауза.

Дульчиков встал, прошелся по кабинету, налил себе стакан «Святой воды» и взглянул в окно на Маросейку. «Вот если пожар, как тут спрыгнешь? Четвертый этаж. Костей не соберешь! А если бежать придется?» — подумал он. Впрочем, он тут же вернулся к главной теме.

— Я готовлю документы только от своего ведомства. Составлю текст письма на

имя нашего первого стола. Оно должно быть подписано вашим первым столом. В работу кабинета министров не вмешиваюсь. Только после полной выплаты премии, кх-кх, возьмусь за дело. — А сам подумал: «Этот Семен Семенович — прохиндей высшей гильдии. Думает, что за двести пятьдесят тысяч от меня так просто отъехать можно по такому прибыльному делу! Нет уж, не все так просто. Я не лыком шит, дружище православный! Мимо меня не прошмыгнешь — уважать себя перестану!»

— Замечательно! Прелестно! Где передать премию? Генерал! — Семен Семенович как-то засуетился, его руки стали дергаться, глаза забегали по фигуре столоначальника, ум спотыкался то на одной, то на другой идее.

— Когда? — сухо спросил чиновник.

— Зачем откладывать это приятное событие? Уже к обеду я буду готов.

— Банк «Рубин» на Сивцевом Вражке. Спросите Бридчикову. Она просмотрит купюры и уложит их в ячейку.

— Вам сообщить, что дело сделано?

— Не беспокойтесь, я сам получу сигнал из кредитного учреждения. Если сегодня все состоится, то завтра начнем подготовку вашего дела. Приходите, уважаемый, в одиннадцать утра. Пропуск в здание будет выписан. — А сам подумал: «Еще год такой работы — потом и уйти можно. Тихо. Не с парашютом с крыши, не лифтом вниз, а по лестнице, с кашлем, с насморком, с хрипотой в голосе: “Ой, заболел, кх-кх”. Прихрамывая, с образком на шее. Не в форме с золотыми погонами, а в скромном пиджаке, с рукой в гипсе, с пластырем на шее. Езжай на электричке в Шереметьево и лети... Лети! Лети, голубчик! Весь мир твой...»

Тут голос Семена Семеновича прервал его дерзкие мысли:

— Мне не нужен никакой мандат на передвижение. Ба! Мое удостоверение дает мне право свободно входить не только к вам, но и на любой этаж кабинета министров. — В этот момент лицо его источало крайнее самодо-

вольство. Господин Махахорин выглядел чрезвычайно счастливым: он хотел жить и побеждать российское чиновничество. Он мечтал сносить бюрократические преграды на пути своего бизнеса и лез в олигархи. «Надо еще подумать о его столе. Заманчивое дельце! Может быть, его вообще можно купить? Пятьсот тысяч, миллион долларов? Два? Прекрасная инвестиция! Посадить за этот стол Ахряпова. Восемьдесят процентов брать за каждую сделку. Тридцать процентов отдавать наверх, семьдесят оставлять себе. Из своей доли можно подбрасывать С-неву в Госдуму и В-няшину в Федеральное Собрание. А почему, собственно, покупать лишь стол Дульчикова? Уже пора подумать о нескольких столах! Чем больше столов получу я в управление, тем выше станет мой доход. Столы фискальных чиновников — соблазнительное инвестиционное поле. Тут многое можно сотворить!» — все больше воодушевлялся он.

— Вы что-то позабыли? — спросил его пытливым тоном столоначальник.

— Нет-нет... Прошу прощения, генерал. Задумался над маршрутом. На улицах пробки. Вы же слышали: взрыв у гостиницы «Националь». Террор. Перекрыт весь центр. А мне надо успеть к Бридчиковой.

— А вы что, без мигалки? Без спецталона? Без сопровождения? Как это, позвольте? Как это возможно: такому человеку — и без атрибутов чести и достоинства?

— Да есть у меня все это... Скажите, любезный, ведь удачно закончились наши переговоры? Лично я доволен! Не только дело сделал, но и познакомился с мудрым человеком. До конца рабочего дня я обязательно побываю в банке «Рубин», — улыбаясь, закончил Семен Семенович. А сам подумал: «Надо взять тайм-аут. Нечего торопиться. Может, мне повезет в самое короткое время стол у Дульчикова отобрать? У этого взяточника! У пожирателя чужих идей! У грабителя русского человека! Вот, взятку захотел: четверть миллиона долларов! Ба! Не лучше ли мне к тем двумстам

пятидесяти прибавить еще столько же и за полмиллиона посадить за этот стол Ахряпова? Ведь стол-то замечательный! Прибыльный! Чем Ахряпов не генерал? Статен! Правда, подбородок скошен. На правой ноге ортопедическая обувь, левый глаз косит, в голове мухи летают. Но чинам никакой ум не нужен! Да и походка, профиль, взгляд — все это атрибуты тусовщиков. Владелец стола — человек за ширмой. В тени. Стол! Стол! Еще раз стол! Вот основа успеха. Надо подумать о других кандидатах. Кого еще можно за стол посадить? Доверенных лиц теперь на лист ожидания необходимо ставить. Пусть ждут. Работенку, над которой я задумался, можно полжизни на коленях вымаливать! Владеешь столом год — карманы полные, владеешь три года — сундуки набитые, владеешь пять лет — тайные банковские счета десятизначными цифрами пестрят. Надо было раньше о столах задуматься!» Впрочем, тут господин Махахорин впал в крайнее возбуждение, покрылся красны-

ми пятнами, вспотел и, чтобы не выдать себя, быстро бросив: «Пока, любезный вы мой!» — попытался юркнуть из кабинета.

— Минутку, кх-кх! В приемной к вам подойдет господин Семенюра. Этот молодой человек представляет банк «Аллегро». У них сладкие предложения новым клиентам. Надеюсь, вы договоритесь. Считайте, что это моя просьба.

— Я уже работаю с банком. Впрочем, охотно выслушаю банкира. Ваша рекомендация для меня — приказ, любезный генерал... Хе-хе, пока! — А сам подумал: «Этот стол еще на каждом банковском вкладе бизнес делает. Если он с каждого счета один процент имеет... Мой оборот — сорок миллионов долларов. Один процент — это четыреста тысяч в год. А сколько таких, как я? Вон, приемная полна людьми. И так каждый день! Ох, влюбляюсь я в этот стол. Как когда-то в православие, в завод в Соф-но». — До скорого! — бросил он радостно и закрыл за собой дверь.

«Так-с, чего хочет этот провинциал с церковного заводика? В вишневых туфлях, в голубой рубашке! Чутье мое, голубчик Аркадий Львович, подсказывает, что мечтал он о моем столе, — стал размышлять чиновник. — Ишь, кх-кх, захотелось! Стол-то доходный, опрятный. Почему не взять? Не присвоить? С его-то связями, деньгами! Разом! За миллион долларов! Может, он и больше вывалит! Нынче столы дорого стоят. Вон, за стол начальника отдела менее важного, чем наше ведомство, говорят, три миллиона отвалили. Да, кх-кх, целых три миллиона зеленых! Столы теперь в моде, они на особом положении. Я сам бы сегодня за свой собственный стол пять миллионов бросил. А если вопрос встал бы принципиально — то все семь. Как семь? Неужели только семь? — задал себе вопрос Аркадий Львович. — Неужели не больше? А? Спрашиваю, а? Так сколько же не пожалел бы? Говори, голубчик, генерал фискального ведомства, на какой сумме рука дрогнула бы? Ну, десять! Де-

сать? Десять! А там один Бог знает. А этому Семену Семеновичу почудилось, что стол уже за ним остался. Что его ноги в вишневой обуви на нем лежат! Что он моих клиентов обирает, личный капитал наращивает! Нет, кх-кх, мне легче всю церковь обанкротить, чем свой стол отдать. Если он сегодня к Бридчиковой не попадет — бьюсь об заклад, план коварный задумал!»

Тут господин Дульчиков обхватил стол обеими руками, прижался к нему коленями, башмаками уперся в боковины и стал его так усердно и даже, пожалуй, страстно целовать, что могло показаться, что он, стол этот, вызывает у чиновника самые настоящие сексуальные чувства. К чему только не тянет современного русского бюрократа! Что только не возбуждает его! Чего только не вообразит он в своей взбудораженной голове!

— К вам, Аркадий Львович, господин Вадбольский, — проявилась по прямой связи секретарь. — Можно?

Генерал не отвечал. Он отдавался своим любовным чувствам и продолжать обнимать и целовать стол.

— Аркадий Львович, можно?

— Да! — наконец, резко сказал он. Прежние мысли с новой силой полезли в голову: «К перерыву надо Махахорина нейтрализовать. Это дело запускать никак нельзя. Свой стол под угрозу ставить? Не самоубийца же я! Не враг самому себе...»

Как только в прихожей генерала появился господин Махахорин, к нему тут же подошел невысокий молодой человек. Нос с горбинкой, длинные дуги бровей, смоляные волосы, напористый взгляд черных глаз и подчеркнутая беспечность выдавали в нем южанина. Он заговорщически улыбнулся и представился:

— Влад Семенюра, банк «Аллегро». Давно мечтал иметь с вами дело! Человек с такими связями и умом очень интересуется

наш банк. Что самое главное и приятное, знакомство наше не бесплатное. Вот вам билеты в партер на премьеру «Ромео и Джульетты» в новом здании Большого театра. А это — приглашение на фуршет, который состоится после окончания спектакля. Вы известный эстет, и постановку знаменитого англичанина Доннелана вам необходимо посмотреть. Там будет вся элита Москвы: политика, бизнес, культура.

«Что-то много говорит этот банкир. Ба! Никакой он не Влад Семенюра, а черкес, чеченец или из Кабарды. Знаю я этот люд. Он захочет, чтобы я открыл счет у него в банке. Какой же другой ко мне интерес возможен?» — подумал Семен Семенович.

— Спасибо! — поморщился Махахорин.
— А эта девица танцевать будет? Как ее...

— Вы имеете в виду Белочкову? Шикарную, в нарядах из лучших бутиков европейских столиц? Да, женщина-мечта! Нет, она не танцует. Интересуетесь? На предмет спонсорства или личных встреч? Понимаю!

Как я вас понимаю! Оставьте телефон, все разузнаю и немедленно позвоню. — Директор церковного завода молча протянул молодому человеку визитную карточку. — Еще два слова. Клиентам банка мы выплачиваем невероятную банковскую ставку. Самую высокую в России, в Европе, в мире. Вот так! — заулыбался Семенюра. — Разрешите продолжить контакты по банковскому обслуживанию ваших счетов? Личных и коммерческих. Я сделаю предложение, от которого вы не сможете отказаться.

— Спектакль завтра?

— Точно так.

— Там и свидимся. Пока! — закончил Махахорин и покинул приемную начальника отдела фискального ведомства.

«Ты еще станешь моим!» — возбужденно подумал банковский аквизитор.

В кабинет Дульчикова вошел мужчина среднего роста, в бакенбардах и густых

усах. Черные волосы слегка поседели, на виске упрямо сидела крупная бородавка, левое ухо было заклеено пластырем. Открытое выражение карих глаз и весь его чудачковатый вид подсказали Аркадию Львовичу, что посетитель — из сословия простаков.

— Добрый день! Спасибо, что нашли время меня принять и выслушать. — Господин Вадбольский из Дворянского Собрания говорил еле слышно, а в конце вообще смутился и замолчал. Ему не хватило воздуха: золотые погоны столоначальника конфузили его воображение.

— Так-с, чем могу служить? Говорите, пожалуйста, предметнее. У чиновников моего уровня постоянно не хватает времени. Прошу изложить суть проблемы или предъявить заявление.

— Я от господина Слузова... — еле слышно выдавил посетитель.

— Это от какого Слузова? — столоначальник притворился, что не признал известного имени.

— Из генеральной про-ку-ра-ту-ры, — с большим трудом выговорил Вадбольский.

— А, ну да, помню. Уважаю! Садитесь. Вы пока, прошу вас, взгляните на свежую газету, а я через минуту вернусь.

Аркадию Львовичу нравилось, когда посетители, попадая в его кабинет, теряли самообладание. Он усмехнулся этому давно знакомому обстоятельству. «Пусть знают, с кем имеют дело!» — очень довольно бросил себе под нос генерал и направился в деликатные комнаты своего кабинета. Мысли у чиновника теперь были предельно практические: воспользоваться туалетом — мочевая система страдала известным у мужчин недугом. Броским заголовком об аресте X-кого укрепить собственную значимость. Принять таблетки, усиливающие потенцию, — он помнил о личном свидании с Любашей, — а также посвятить минутку-другую попыткам вспомнить, чего именно хотел он сам от смущенного посла потомственных аристократов столицы. «Ведь

было же что-то. Было же!» — настойчиво крутилось у него в голове.

— Так-с, слушаю вас, — начал чиновник, вернувшись к столу.

— В Дворянском Собрании Москвы наметился кризис. Точнее, он продолжается уже не один год. — Тут посол московского дворянства прищурил глаза и перешел на шепот. — Якобы князь Нарисцын прикарманил огромные суммы, вырученные от коммерческого использования нашей резиденции. Чему я лично никак не хочу верить. Стало известно, что в начале января вы направите к нам аудиторскую проверку. Часть дворянского собрания поддерживает Нарисцына, другая — Башмакова. Граф Слuzов посоветовал обратиться к вам за содействием, чтобы ваши чиновники... — тут господин Вадбольский испуганно оглядел комнату и, словно убедившись, что, кроме Дульчикова, в ней никого нет, продолжил тем же низким

голосом: — ...мягкость проявили. Деликатность. Князь страдает сердечной недостаточностью. Как бы не помер наш предводитель!

— А граф Слузов, это кто — брат, кх-кх, прокурора?

— Нет, нет. Прокурор Слузов и есть граф.

— Странно, в досье о российских чиновниках сказано, что Слузов из крестьян.

— Может быть. Коммунисты оставили нас не только без собственности, но и без родословных.

— Вы тоже представляете дворянское сословие?

— Да! Вадбольские — старейший княжеский род России. Можно добавить еще два слова?

— Пожалуйста. Но тема происхождения аристократических семей меня не интересует, — с какой-то ленцой бросил чиновник.

— Понял! Тогда не буду утомлять. А вы сами не хотите получить княжеское или

графское звание? — не позволяя себе смотреть в глаза крупному начальнику, произнес посетитель.

— Это с моей-то фамилией? — удивленно выпучил глаза генерал.

— А что? Дульчиков... Чем Дульчиковы хуже Дашковых, Воронцовых, Лопухиных, Чернышевых? Вы, прошу прощения, помогите нам... И ваше имя станет звучать совершенно по-другому: государственный советник третьего ранга князь Аркадий Дульчиков. Лучше же? Конечно, хорошо! Стены запоют! — и господин Вадбольский выдавил жалкую улыбку.

«А что, действительно здорово, а? Может, принять предложение?» — мелькнуло в голове у чиновника.

— А почему Слузов не стал князем? — ревниво спросил Аркадий Львович.

— Он сам захотел быть графом.

— А, понятно.

Столоначальник встал, прошелся по кабинету и опять устался на Маросейку.

«Как тут спрыгнешь при пожаре? Остаться в живых шансов не так уж много. Сторишь или задохнешься от дыма... А Москва бурлит, вон народу сколько бегают, бизнесом занимается. А стол? Как его-то при пожаре сохранить?» — опять всплыла навязчивая мысль.

Минуту спустя столначальник обратился к послу дворянства:

— А кто главнее: князь или граф?

— У кого больше денег, связей и хитрости — тот и есть хозяин жизни.

— А, ну да, кх-кх, да...

«Чего же я хотел от этого дворянского депутата? — опять пришло ему на ум. — Денег у них нет, какой же другой актив мог меня заинтересовать? А, ну да, вспомнил! Незатейливая вещица, но полезная для связей...»

В этот момент зазвонил внутренний телефон. Дульчиков взял трубку и услышал голос Любаши:

— К вам на прием прибыло известное лицо. Разрешите доложить? Это срочно.

— Заходи! — А сам недовольно подумал: «Кого это принесло?»

В дверях появилась секретарша.

— Что там у вас в приемной происходит? — брюзгливо скривил лицо господин Дульчиков.

— Депутат пришел.

— Что еще за трибун с Охотного ряда? Какого созыва? У одних полномочия закончились, у других еще не начались.

— Он вечный. Я его с детства помню.

— Что, он не представился? Как его фамилия? — столоначальник старался говорить приказным тоном.

— Точно не помню. Но как бы Подхолюзин.

«Подхолюзин? А, ну да, это очень опасный субъект...» — мелькнуло в голове у генерала.

— Дружище Вадбольский! Подожди-ка меня в приемной! Утешу известное лицо нашей Думы, тут же тебя приглашу. Депутаты — люди справедливые, но капризные!

Ты, кх-кх, не обижайся. Да, вот еще что: в приемной к тебе подойдет молодой человек. Он представляет банк «Аллегро». Господин Семенюра задаст пару вопросов касательно банковской деятельности. Будь, дружок, с ним пооткровенней. Понял? — И, придав голосу сердечность, повернулся к секретарше: — Любаш, приглашай народного избранника!

Едва российский дворянин оказался в приемной столоначальника, к нему тут же подскочил молодой человек. Он заговорщически улыбнулся, взял Вадбольского под руку, отвел в сторону и представился:

— Влад Семенюра, банк «Аллегро». Давно мечтал иметь с вами дело! Человек с такими связями и умом очень интересуется наш банк. Что самое главное и приятное, знакомство наше не бесплатное. Вот вам приглашение на праздничный банкет по случаю десятилетия самого известного рес-

торана Москвы «Марио». Российские столбовые дворяне — известные европейские гурманы. А блюда «Марио» отвечают самым изысканным вкусам. Там будет вся элита столицы: политика, бизнес, культура. Окажите честь, приходите с супругой или знакомой дамой на роскошный ужин!

— Вы меня с кем-то спутали, — с опаской во взгляде еле выговорил Вадбольский. — Я скромный преподаватель консерватории. О ресторане «Марио» впервые слышу. Вы, молодой человек, ошиблись!

— Ваша фамилия Вадбольский? Вы из княжеского рода? Ваш кузен Слuzов работает в Генеральной прокуратуре?

— Все верно. Но откуда вы все это знаете?

— «Аллегро» имеет досье на самых известных людей страны. Вы не хотите обслуживаться в нашем банке? У нас прекрасные комиссионные!

— С моей-то зарплатой? — заскулил посл Дворянского Собрания. — Неужели две тысячи семьсот рублей в месяц вас заинтересо-

ют? Вам нужны богатые люди и фирмы! Я, к сожалению, не тот...

— Не торопитесь отвергать деньги. Я сделаю предложение, от которого вы не сможете отказаться. Послушайте, у вас большая семья: мать, жена, две дочери. Прокурор дает вашей матушке, своей единственной тетке, пятьсот долларов в месяц на проживание. Плюс ваших сто долларов и зарплата вашей жены. Итого — шестьсот семьдесят долларов в месяц. Разве это деньги для семьи родового российского князя? Граф Слuzов ведет десятки уголовных дел. О многих из них мы хорошо информированы. Если в конце каждого разбирательства вы будете обращаться к учредителям предприятий, руководство которых находится под следствием, с просьбой открыть счета в банке «Аллегро», а мы по своим каналам станем давать о вас нужную информацию — что, мол, через вас можно получить крышу в Генеральной прокуратуре, — никто не откажет! Все они с превеликим удовольствием перейдут к нам на банковское обслуживание. В этом и состоит ваша

роль! Вы будете иметь пять, десять, пятьдесят тысяч долларов в месяц. Сто тысяч, миллион! Миллионер Вадбольский. «Мерседес» господина Вадбольского к подъезду! Самолету господина Вадбольского разрешен вылет! Князь Вадбольский ищет капитана и экипаж на свою яхту! А вы получили приглашение на ужин к князю Вадбольскому? Вы видели, в каких платьях дочери Вадбольского? Какой кулон у матушки Вадбольского? Чудо! А дача Вадбольского в Барвихе? А дом Вадбольского в Каннах? Вы читали о коллекции импрессионистов Вадбольского?

— Ой, пощадите... — шепотом проговорил потомственный аристократ. — Остановитесь, прошу вас! Не называйте таких громадных сумм, такой дорогой собственности! Ваши соблазны сводят меня с ума. Слушать все это выше моих сил! — Его качнуло, он прислонился к стене, задрожал всем телом, руками обхватил лицо и тихо зарыдал.

«Пусть успокоится», — подумал довольный господин Семенюра.

Уже несколько минут спустя они обменивались телефонами.

Аркадий Львович протер салфеткой «Темпо» лицо, судорожно смял ее и быстро, даже как-то нервно, бросил в корзину. Он опять обнял стол, расцеловал его, на лице появилось выражение нежности. Дульчиков едва успел выпрямиться в кресле, как в дверях появился известный думец. Выглядел он богато: безукоризненный костюм пепельного цвета фирмы «Бриони», изящная черная обувь от Кельяна, строгая ганзиатская голубая сорочка с модным обрубленным воротником, галстук от Ланвин.

— Привет начальникам! Где тут можно сесть? — сипло бросил Подхолюзин, адресуя свой вопрос в никуда. — Чиновники твоего ведомства стали такими строгими, что без разрешения боюсь выбрать себе стул. Ха-ха-ха!

— Да что вы такое говорите?! Я с радостью желаю служить вашему превосходительству! — господин Дульчиков вмиг вспотел, схватил стул и подставил его вальяжному политику. — Какой вопрос, глубокоуважаемый, необходимо решить? Я весь — внимание. Всегда готов быть вам полезен!

— Слушай, генерал. Твои люди наехали на Баргузинский деревообрабатывающий комбинат. Ошибка! Грубейший промах! В прошлое воскресенье весь коллектив как один проголосовал за нашу партию. А ты их тут же наказываешь. Только не говори, что ты яб-ник или с-вец!

— Нет, что вы, я, кх-кх, стопроцентный ваш! В партийный актив Северо-Западного округа вхожу. Все мои клиенты получили наказ только за наши идеи голос отдать!

— Что же ты периферийных партийных друзей топишь? Что, трудно найти других? Может, очки тебе заказать? Пенсне подарить? Бинобль? Список неблагонадежных юридических лиц фельдъегерской службой

прислать? — Подхолюзин говорил бесцеремонно, как российский вельможа, наделенный властью. Его нос был вздернут, а широкие губы холодно и иронично приоткрыты.

— Там, кх-кх, крупные нарушения...

— Как, ты опять за свое?! Опять ничего не понял? Не видишь? Я сам пришел! Я твой порог переступил! Я здесь! А ты опять о нюркиных ботах...

— Смекнул! Нарушений уже меньше стало. А после проверки, надеюсь, грехи совсем исчезнут.

— Так-то лучше. Но перед тем как говорить, полезно думать. Что значит «надеюсь»? Ты должен точный ответ дать. Надеются на танцплощадке! Тут обязательность нужна.

— Прошу, кх-кх, прощения, все будет в порядке. Деревообрабатывающий комбинат в Баргузинске — законопослушная фирма. Там никаких нарушений не может быть, поэтому их никак не обнаружат. Нельзя же найти то, чего нет и не было!

— Ты оказался умным человеком, генерал. Продвинуть тебя по партийной линии? Умные, преданные люди всегда востребованы. Чего ты хочешь? О чем мечтаешь? Стать главой Северо-Западного округа?

«Нужен мне твой округ! — со злобой подумал господин Дульчиков. — Я сам знаю, в чем нуждаюсь. Мне крыша нужна и деньги, и никак не меньше, чем тебе самому. Олигарх новоявленный!»

— Спасибо большое! Из ваших добрых рук мне все по сердцу. В правительстве, кх-кх, нас курирует господин Сантапукин. Как вы с ним? — осторожно обратился столоничальник к Подхолюзину. — Вопрос не праздный. Чтобы историю с Баргузинским комбинатом закрыть полностью, а потом оберегать его от наездов чиновничества, мне высокая крыша нужна. А она в дефиците. Тут можно попасть в такой переплет, что мало не покажется. Например, у министра, господина Ар-ва, мощная команда контролирует всю деревопереработку России. В ее

жерновах оказаться — врагу не пожелаешь. Вы меня понимаете? Опасность, кх-кх, большая. Симпатии к вам и окружающая реальность — конкурентные понятия. Скажите, вам нужен такой человек, как я? Способный по первому сигналу броситься на помощь, чтобы отстоять ваши интересы? Преданный и учтивый? Знающий, как дела делаются? Способный обелить черное и очернить белое? Берите меня полностью, ваше превосходительство, — и я начну вам служить. Служить самозабвенно! Никто на Баргузинский комбинат носа не сунет! Пусть мужики балагурят — мой стол их оберегать станет. Генерал Дульчиков будет им защитой! Но как практик скажу вам следующее: без господина Сантапукина никакой прочности, успеха в этом деле достигнуть нельзя... — А сам подумал: «Если такую крышу, как Сантапукин, получить, то можно крылья расправить, а? С олигархчонками в силовой диалог вступить, от врагов отмахиваться. Свой стол охранять. Клиентуру рас-

ширять. Да, кх-кх, одно слово — Бог послал мне этого Подхолюзина на счастье. Спасибо! Лишь бы согласился! Думаю, получится. Ведь он сам пришел спасти двадцать семь миллионов долларов. Сумма-то какая приятная! Роскошная пачка зеленых! Аж запах чувствую. Мне бы самому ее откусить, а? Но крышу правительственного чиновника для меня получить важнее. Так что, голубчик Аркадий Львович, уйми свой пыл сегодня. Все сбудется. Еще успеешь миру свою неумную страсть предъявить!»

— Господин Сантапукин, говоришь... — в задумчивости протянул народный избранник. — А что, хорошо знаком с ним... Но позволь, чинуша, ты мне байки не трави! Да за крышу Сантапукина ты не только Баргузинский комбинат для меня охранять станешь, но и целый список других фирм! От Приморья до Балтии. От Диксона до Мацесты. Не слышу одобрительного радостного крика. Где он? Генерал? — тут лидер известной партии свирепо глянул на Дульчикова. Сто-

лоначальник изобразил испуг и волнение: у него затряслись не только губы и руки, но и плечи. Он отлично знал повадки и ментальность современных российских вельмож и умело этими знаниями пользовался.

— Готов, на все готов, ваше превосходительство! Становлюсь вашим крепостным! Вашим пуделем! Приказывайте! Все, что угодно. Самое сумасшедшее поручение выполню! Только дайте в заступники правительственного чиновника. Скажите ему, что с вашего позволения Дульчиков готов и ему служить. С таким же усердным рвением! С неистовством члена нашей правящей партии! Где список фирм, которые необходимо обслуживать по понятиям, с закрытыми глазами, с забетонированными ушами, с отрезанным языком? Дайте возможность отличиться! Показать свой талант аудиторских манипуляций, доказать, что два плюс два будет равно семи, или ста восьмидесяти, или шести тысячам двумстам. Я мастер этого оригинального жанра! Я анти-

математик современности, антилогик. Я научился читать законы через кальку, менять и редактировать их в соответствии со своими нуждами. Все знания я поднесу к вашим ногам. Топчите меня, используйте в самом невыразительном деле, плюйте мне в лицо, ставьте фингалы под глазами, направляйте меня, охотника за чужой собственностью, по любому следу, давайте указания зарабатывать десятки, сотни миллионов долларов, евро, фунтов стерлингов, швейцарских франков в ваш карман! Будоражьте необыкновенными способностями матерого столоначальника свои политические и коммерческие фантазии! Затыкайте генеральским носом Дульчикова любые дыры вашего бюджета и бизнеса! Чиновник, стоящий теперь перед вами, отныне принадлежит исключительно вам, ваше превосходительство. Он ваш раб! Он ждет ваших повелений!

«Вижу по глазам, что замутил я этого Подхолюзина, — мелькнуло в голове Арка-

дия Львовича. Довольный собой, он продолжал размышлять: — Уверен, что он решит вопрос с Сантапукиным. Укроюсь я под его правительственным столом, как купюры в банковских складах! А тут уже проворачивай дела сам. По выбору, исходя из собственных интересов. Нужен мне будет этот Подхолозкин! Тьфу!»

— Сегодня я встречаюсь с человеком, о котором идет речь, — начал депутат всех созывов. — Поговорю с ним и о тебе. Я упрочу твою служебную карьеру на будущее. Пока он сам останется в правительстве — жить тебе начальником. А там видно будет. Люди, которые мне служат, непотопляемы! Но не огорчай меня длинным языком и непослушанием. На Троекуровском кладбище места покойникам всегда найдутся. Понял, о чем я? Что касается Баргузинского комбината — снимай своих людей и готовь справку о чистоте предприятия. Это станет первым взносом в бюджет твоей преданности. Список других фирм, которым я покрови-

тельствую, получишь сегодня к вечеру. Я позвоню тебе во второй половине дня. Зчитаешь мне приказ о деревообрабатывающем предприятии. Все, я отчалил! — Депутат встал и направился к выходу.

— Спасибо за доверие! Всегда рассчитывайте на меня, как, кх-кх, на своего верного слугу. Счастливо! — и генерал проводил народного избранника до дверей. Тот даже не обернулся, выходя из кабинета.

«Ты мне лишь дело сделай. А там иди, гуляй. Гордец нашелся! — глядя ему вслед, усмехнулся чиновник. — Подумаешь, Подхолюзин! Через год-два покину я эту страну и никогда не вспомню таких имен и физиономий». Аркадий Львович подошел к окну и взглянул на Маросейку. Прежние мысли опять полезли в голову. «Что же делать-то при пожаре? Тут не спрыгнешь. Бежать, выходит, некуда... А как жить за бугром? Там такого вертепа нет. Не помрешь ли ты со скуки, голубчик Дульчиков? Очереди к твоему столу там не выстроятся...»

От этих размышлений его отвлек голос появившейся в дверях секретарши:

— Аркадий Львович, кому зайти?

Столоначальник медленно пришел в себя, подумал и небрежно бросил:

— Пусть войдет Вадбольский. После него по списку.

Когда господин Подхолюзин проходил через приемную, чтобы покинуть здание известного ведомства, несколько человек встали. Среди них был господин Мамедов. Влад Семенюра закрыл лицо журналом «Интерьер», чтобы ненароком не встретиться взглядом с известным политиком. На предпринимательской площадке, где он сейчас пребывал, такие публичные свидания не сулили ему никакой выгоды.

— Так-с, милый человек. Подхолюзина вы, видимо, кх-кх, знаете. Видный и требо-

вательный политик. Зашел в наше ведомство покритиковать мое подразделение. Много полезного высказал. Такая у нас служба — ошибки устранять. Впрочем, вашу просьбу придется выполнить. Я очень уважаю господина Служева. Хоть он и в прокуратуре работает, но настоящий адвокат в душе. Непорочный, милейший человек! Даже прокурором назвать его трудно. Да, у меня к вам небольшое дельце, навязал один из приятелей. Такова, кх-кх, наша чиновничья жизнь! Есть одно старинное ожерелье. Все в изумрудах, а центральный камень — пятнадцатикаратный бриллиант. Оно якобы принадлежало... — тут господин Дульчиков открыл телефонную книжку и в самом ее конце прочитал: — Графине Марии Сергеевне Голенищевой-Кутузовой. Графиня была замужем за братом Николая Второго, Великим князем Дмитрием Александровичем Романовым. — Аркадий Львович закрыл книжицу и продолжал: — Никаких документов, подтверждающих эту версию, конечно, нет. А надо бы иметь! Так-с, если

Дворянское Собрание даст бумагу, удостоверяющую, что это ожерелье действительно принадлежало названной светской даме и это подтверждается князем таким-то и графом таким-то... Ну, вы понимаете. Всего необходимо иметь пять-шесть подписей. Точное описание ювелирного изделия вы получите от госпожи Архаровой. Она найдет вас сама. Как, кх-кх, договорились? Сможете вы это пустяковое бумажное дело состряпать? — Господин Дульчиков говорил как бы совсем незаинтересованно.

— Буду рад посодействовать известному генералу! Бегу к Нарицыну. Да, по поводу вашего княжеского звания: разрешаете сделать первые шаги? Уверен, что Дворянское Собрание единогласно одобрит эту инициативу. Могу ли я успокоить товарищей, что ваша комиссия будет милостива при аудите?

Никакого ответа он не дождался. Аркадий Львович лишь заулыбался и как-то двусмысленно кивнул ему головой.

— Но почему «товарищи»? Неужели в Дворянском Собрании Москвы вы называете друг друга этим забытым коммунистическим словом? — лукаво улыбаясь, спросил генерал.

— Простите, запомнил. Спасибо за радушный прием, ваша светлость князь Дульчиков! Всего доброго!

Вадбольский поторопился закончить визит, попятился назад и вышел из кабинета.

«А что, совсем недурно: ваша светлость князь Дульчиков», — подумал столоначальник. Тут его плечи поднялись, грудь горделиво выпятилась, нос, поднявшись высоко, казалось, вот-вот заденет брови. «Теперь губернатору можно докладывать, что его свадебный подарок дочери вице-премьера потяжелел в цене. Значительно подорожал, а? Позже я свои дела решать стану. У меня тут много проектов!» Чиновник прошелся по кабинету, вспомнил о Махахорине, вернулся, сделал какие-то записи, потом подошел к окну и взглянул на Маросейку. «Значит,

бежать некуда. Высота двадцать пять метров, — подумал он. — Куда же тут прыгать? Может, веревку приготовить, рукавицы? При пожаре можно спуститься... Неужели за бугром я найду спокойствие? Тьфу, жизнь российская!»

— К вам господин Мамедов, — раздался голос секретаря.

Чиновник помолчал, словно вспоминая, кто же таков этот Мамедов, и бросил:

— Пусть, кх-кх, входит.

В кабинет вошло «лицо кавказской национальности». Мамедов был человек крупный, среднего возраста, с выразительным, доверчивым лицом. Черные волосы, черные глаза, черная одежда, смуглая кожа и прочие характерные черты выдавали в нем типичного азербайджанца. В руках у него была небольшая дорожная сумка.

— Так-с, слушаю вас, — начал столоначальник низким голосом.

— Спасибо, да, что приняли. Вам сказали, да, как я долго плакал, когда на-

шего Алиева хоронили? Это беда всех азербайджанцев! Русские политики говорят, что он глыба был. Глыба — это что, камень драгоценный? Честное слово, долго плакал!

— По какому делу пришли меня беспокоить? — сердито спросил Аркадий Львович.

— Совсем не беспокоить! Мне этот ваш бывший начальник сказал, что мой вопрос Дутьчиков решит. Он вам звонил?

— Это кто — наш бывший начальник?

— Его фамилия Шефф!

— Шефф? Такого начальника, кх-кх, никогда не было. И мне никто ничего о вас не говорил, — схитрил чиновник.

— Как не было, слушай? Честное слово, был! Его вся Россия знает!

— В чем суть дела? Расскажите коротко. Вы же сами видели, какая длинная очередь в приемной.

— Пожалуйста, да. В моих интересах о деле говорить. Вы знаете ресторан «Кардаш»? Это «друг» по-нашему.

— Не знаю, но это неважно. Продолжайте.

— Начальник, я хозяин этого ресторана. Ко мне каждый день люди из правительства ходят. Говорят: тебе фискальная служба все расходы спишет. Пришел узнать, как списываются расходы. Какое заявление писать? Честное слово, много денег надо списать!

Тут господин Дульчиков почувствовал запах пряностей.

— Что у вас в сумке? — очень строго спросил он.

— Как «что»? Еда! Лучшие блюда ресторана принес, да. Один раз попробуете — всю жизнь за Мамедовым ходить будете! — и хозяин ресторана так широко и добродушно улыбнулся, что столоначальник растрогался. Впрочем, он тут же взял себя в руки:

— Как вас пропустили с этой сумкой? Ума не приложу, как пускают к нам с ношами?

— Как не пустят, что вы! Ваш начальник охраны тоже ко мне ходит. Веселый человек, да. Клянусь!

— Кто именно сказал вам, что я спишу расходы вашего ресторана?

— Я же говорил, Шефф!

— Кто к вам ходит, кроме нашего начальника охраны?

— Честное слово, клянусь, фамилии не знаю. Правда, не знаю. Лицо знаю, а кто такие — не знаю. Милиция ходит, пожарные ходят, участковые ходят, санэпидемстанция ходит, торговая инспекция ходит, охрана природы ходит, ЖЭК ходит, прокуратура ходит, Статистическое Управление ходит. Кто еще? — поднял он глаза к потолку. — Налоговая инспекция ходит, борьба с наркотиками ходит, Дума ходит, Совет Федерации ходит, автоинспекция ходит... Все ходят. У меня, уважаемый, одни убытки! Спишите, пожалуйста, семнадцать миллионов рублей. Год заканчивается, да. Что, мне на эти деньги еще налог на прибыль платить? Честное слово, совсем не честно! Вкусной едой угощаю все правительство, а еще налог плати! Такое в Азербайджане может быть, но ни-

как не в России! Русские люди умные, да. Справедливые, да. По понятиям живут, да. — Тут господин Мамедов стал вытаскивать из своей сумки блюда из ресторана «Кардаш». — Вот это долма из ягненка, вот это боз-баш, наваренный на курдюке, пальчики оближете, это мясистые помидоры из Нахичевани, это шакер-чурек, а это люля-кебаб из козленка, паф-паф, очень вкусно, да. Это шашлык из каспийского осетра, а это пахлава. — Тут господин Мамедов приложил два пальца к губам и чмокнул. — Начальник, очень вкусно, да! Спишите семнадцать миллионов рублей, клянусь, на ваших правительственных чиновников потратил, да!

«Кто же его так приколол? Кто разыграл каспийского верзилу? — с улыбкой подумал господин Дульчиков. — Неужели, действительно, этот обжора Шефф? А может быть, они верят, что я готов списать семнадцать миллионов рублей? Как же это? А? Что я, не Дульчиков? Они забыли, что в стране есть государственная фискальная

структура! Наслаждаются кавказской кухней, отрачивают животы, а я должен на них бюджетные деньги тратить!.. А если тут заработок? А? Хорошо бы этот гастроном знал все фамилии чиновников! Тогда можно было бы с них эти деньги взыскать. Мамедова научить, как списать налоги, а с этих взыскать семнадцать миллионов. Деньги, правда, никакие. Но — жанр! Искусство бюрократа! Изошренность чиновника! Азарт!»

— Так-с, ты перенеси свои яства в комнату отдыха, это справа. Касательно твоей просьбы: мне нужен пофамильный список тех чиновников, которые задаром у тебя в «Кардаше» гульки устраивают. Иначе я ничем не смогу тебе помочь.

— Как мне фамилии спрашивать, да? Они испугаться могут. Что я скажу, клянусь? А если они обидятся и меня закроют? Что друзья скажут? Позорная новость облетит Москву и Баку: Мамедова ресторана закрыли, да! Мамедов доносчик. Мамедов сука! Как я дальше жить стану? Нет, началь-

ник, найдите другое решение, да. Клянусь, очень прошу!

Господин Дульчиков задумался, покрутил в руках пачку таблеток, которые давеча для стимуляции чувств принял, потом вдруг как бы очнулся, мигом спрятал ее в портфель, взглянул на часы, поднял палец и дал совет:

— А ты бери у каждого визитку. Делай на ней пометки, кто сколько должен, и, кх-кх, передавай мне. Тогда я подумаю, как помочь. Понял? — А в голове у самого мелькнуло: «Посмотрим на эти имена! Кто это за счет мелкого предпринимателя азербайджанской кухни наслаждается? Что у этих людей выманить, как гурманов раскошелиться заставить? Может, какая другая косвенная выгода всплывет? Работать надо, голубчик Аркадий Львович! Думай, шевели мозгами, если карман полный мечтаешь иметь, если свой стол убереечь хочешь, о шереметьевском рейсе за бугор подумываешь!» — Ну, иди, Мамедов, — обратился чиновник к гастроно-

му. — Когда соберешь материалы, можешь еще раз заглянуть. Давай! Дел у меня по горло. В приемной к тебе подойдет молодой человек. Выслушай его.

— Спасибо, да! Помогите, начальник. Не шутка, клянусь, совсем не шутка эти семнадцать миллионов рублей! Посоветуй, да, что делать?

— Иди, иди! Я все сказал.

Опустив голову, Мамедов медленно, боязливо оглядываясь на суровое лицо столначальника, шепча что-то себе под нос, пошел на выход.

Господин Дульчиков опять вспомнил о Махахорине, встал из-за стола, прошелся в задумчивости по кабинету. «Как же мне эту церковную крысу до портков обобрать? Вот ведь наглец какой! Пришел с просьбой, а сам на мой стол замахнулся! Увлёкся перспективой? Задумал стащить идола? Нет, не видать тебе, православный, моего стола». С такими мыслями прошелся он несколько раз по кабинету, потом, видимо, измучился

размышлять или нашел решение, потому что вдруг подошел к окну, взглянул на Маросейку и стал совсем о другом думать: «Так-с, тут совершенно точно при пожаре бежать некуда. Надо шоферу Митьке поручение дать, чтобы веревку купил длиннущую да варежки шиповатые. Тогда шанс есть! Если веревку за отопительную батарею привязать, то можно и стол спустить, и самому на улицу съехать. На Маросейке оказаться. А если офис ведомства сгорит, то прямо на улице клиентов можно обслуживать. Стол-то останется целым! Браво! Мысль пришла замечательная. Очередь к моему столу среди людской уличной толпы затеряется. Шпики никак не поймут, кто из них ко мне, кто в магазин “Свет”, а кто в редакторскую фирму к Семиной в дом десять. И аппарат по определению подслушивающих устройств не нужен. Тут деньги можно поднимать немереные. Но есть мысль еще лучше: а что если отсюда, из кабинета, на веревке — прямо за бугор? А? Не через этот

вонючий Шереметьево. Aber, direkt. По морозному, в огнях елочных украшений воздухе? К рождественскому празднику? В центр Европы! А? А, голубчик Дульчиков? Ну, скажи ты мне, а? Прямо в Берлин, Париж, Лондон! В семизвездочные рестораны. Когда же кабинеты поменяют на аэропорты, служебные столы — на печатные станки для выпуска денег, а веревки — на самолеты? Легче жилось бы! Риска бы не было. Прощел бы нервный кашель! Таблетки для девок перестал бы принимать! Жил бы себе вольным казаком...»

Такие вот увлекательные темы будоражили ум государственного советника третьего ранга.

Господин Семенюра ожидал Мамедова. Молодой человек задумал через него выйти на обширную азербайджанскую диаспору в столице и в Питере, чтобы привлечь ее к соблазнительным предложениям банка

«Аллегро». Шутка ли, какой неохваченный целинный ресурс: более пятисот тысяч азербайджанцев живут в двух столицах! А ресторан «Кардаш» буквально ломится от состоятельных земляков Мамедова. Талантливый агент банка подошел к удрученному гастроному, улыбнулся, по-приятельски хлопнул его по плечу и отвел в сторону.

— Вы кто? — спросил ошарашенный Мамедов. Его глаза были выпучены, рот оставался открытым.

— Влад Семенюра, банк «Аллегро».

— А я тут при чем, да? — Испуг неставлял кавказца.

— Аркадий Львович сказал вам обо мне?

— Ах да, извините. Слушаю, да. Что надо сделать? Деньги дать, чтобы мое дело сдвинулось, да? Сколько?

— Хочу другой вариант предложить. Вам надо списать долги дебиторов: деньги не такие уж большие, но все же семнадцать миллионов рублей. По нынешнему курсу это около шестисот тысяч долларов.

— Каких таких дебиторов? Честное слово, я таких совсем не знаю!

— Ладно, не дебиторы, а должники. Я все о вас знаю. Вы с банками не работаете?

— Как не работаю? Работаю, да! Инкассацию каждый день проводим, зарплату начисляем, товар оплачиваем... Много работаем!

— Я говорю о левых деньгах. Где вы нал держите? В мешке, в коробах? Не в банк же вы его носите! Финансисты оценивают оборот московских ресторанов в два миллиарда долларов. По фискальной статистике значится, что налоги платят с двухсот миллионов долларов. То есть с десяти процентов. А где остальные девяносто? Какой смысл держать деньги в кубышке? Наш банк имеет анонимные счета. На них гарантированно можно держать любые суммы. Платим до восьми процентов годовых. Фискальные органы ничего об этом знать не будут. Вы меня понимаете? Если вы все свои деньги и капиталы своих земляков разместите в «Ал-

легро», вы не только компенсируете свои убытки в «Кардаше», но и заработаете большие деньги. Став нашим банковским аквизитором, вы поймете, что жизнь состоит не только из проблем ресторации!

— Честное слово, да, я не совсем вас понял. Так хорошо по-русски не знаю. Сейчас вообще я нервный. Расстроен, да. Понимаю, что какая-то идея есть, но, клянусь, так сразу ничего не скажу. Успокоиться надо, еще раз вас послушать. Приходите, да, в «Кардаш». Я своего старшего брата позову. Он, клянусь, хорошо ваш язык знает. Поговорим, да? Честное слово, понять хочу! Эфенди Дульчиков вас рекомендовал. Его мнение уважать надо, да!

— Завтра вечером зайду, — заверил молодой человек.

Столоначальник Аркадий Львович ожидал господина Кузякина. До армейской жизни у призывника Кузякина в паспорте

и военном билете было записано очень мужественное, хотя и несколько забытое имя: Апполинарий Модестович. В школе над ним нередко посмеивались. Впрочем, это были не едкие и злые, а обыкновенные ребяческие смешки, и Апполинарий Кузякин рос вполне обычным парнем. Но в армии молодой столичный солдат совершенно неожиданно для себя почувствовал какое-то непонятное влечение к прапорщику учебной роты туляку Тарасу Поплоскину. Около двух недель он никак не мог понять, что с ним происходит. Прапорщик являлся молодому солдату даже во сне! При этом в самых неприличных позах и с недвусмысленными намерениями. Первые два-три таких сна даже удивили Кузякина: дескать, с чего это такие странные ночные видения постоянно лезут в голову. Но уже очень быстро, буквально несколько дней спустя, он не только привык к ним, но даже старался побыстрее заснуть, чтобы «опять все это интересное и приятное увидеть». А когда в один из бан-

ных дней, стоя под душем, он вдруг увидел перед собой Поплоскина, то почувствовал чрезвычайное волнение. Он еще ни разу не имел отношений с женщиной, и тем не менее трепет всего его существа напоминал, как ему казалось, именно те чувства, которые испытывают при свидании с любимым человеком. Всего лишь одна фраза Тараса Поплоскина решила всю дальнейшую судьбу Кузякина. Прапорщик открытым дерзким взглядом впился в него и предложил, протягивая мочалку: «Потри-ка мне спину! Потом — я тебе». После этого случая они постоянно искали возможность встречаться в укромных местах. У них это преотлично и часто получалось. Поэтому армия стала весьма приятным периодом в жизни Кузякина.

После армейской службы Апполинарий Модестович поменял личные документы. Теперь в его паспорте значилось менее мужественное имя: Юлий Юльевич. А в быту он просил, чтобы его называли Юли-

ком. После учебы в гуманитарном институте он начал работать в городском ведомстве культуры и к сорока двум годам дорос до должности старшего инспектора. Говорили, что его прочат в заместители начальника отдела. Что его протезирует одно значительное лицо из самого Министерства культуры. Мелкий муниципальный чиновник семьи не имел. Все свое свободное время он проводил на разнообразных столичных ту-совках. Особенно суетился он вокруг звезд эстрады и телевизионщиков. Одевался Апполинарий Модестович модно и ярко, но не из московских и европейских бутиков, а моделировал одежду сам — из старого платья своих домочадцев. На генерала Дульчикова его вывел приятель, один из заместителей министра ведомства, в котором служил и Аркадий Львович. Об этом наме в Министерстве, да и по всей Москве, ходили всякие слухи, и государственный советник третьего ранга отлично знал об увлечениях вышестоящего чиновника и его окружения.

Такое в столице не утаишь. Впрочем, господин Дульчиков считал себя современным человеком, поэтому наклонности к альтернативным чувствам не вызывали с его стороны никакого осуждения. Он верил в одну упрямую истину: каждый человек должен жить в свое удовольствие. И правила существования он устанавливает себе сам. Святое писание, конституция, гражданское и уголовное право являются для него лишь импульсами для напряжения ума, чтобы найти дорожку для обхода надуманных, с его точки зрения, догм.

Именно этот господин Кузякин входил сейчас в кабинет.

— Так-с, — начал столоничальник, осматривая Кузякина. — Вас рекомендовал господин Жаслупин? Один из моих шефов? Светлейшая голова нашего ведомства?

— Точно-с, — артистично подыграл ему Юлий Юльевич.

«Знал бы он, сколько у нас заместителей! — подумал Дульчиков. — Если с каждым из них здороваться, полдня пройдет. Работа нерентабельной станет! Впрочем, этот Жаслупин силен. Со всеми целуется, на всех тусовках принят. Опасен он! Вежливей надо быть с его посланником. А этот Кузякин неплохо выглядит! Экзот, но нынче это модно. На *них* не очень-то и похож. И лицо спортивное. Светлый, доверительный взгляд, вид хорошо воспитанного человека. Но *они* не все же такие? Вот, к примеру, наш зам. Или Ревякин из Центрального округа. Брр! Так и прет из них вульгарная женственность! Впрочем, время, время, голубчик. Начинай! Но помни: с *ними* нужна осторожность!»

— Чем, кх-кх, могу быть полезен? — доверительно улыбнулся Аркадий Львович. — Друзья начальников для меня — мои старшие советники. Приказывайте, кому тумачков надавать!

— Я не по прямой жалобе или просьбе, я посоветоваться пришел, — как-то утомлен-

но начал Кузякин. — В последнее время меня... национальная идея мучает.

«Ничего себе визитер! — мелькнуло в голове у генерала. — Ему бы к психиатру в Кащенко или в Кремль к В-ну. А он почему-то ко мне».

— Так-с, интересно, слушаю.

— Все думаю о несправедливости жизни. Да! Сейчас об этом немодно размышлять. А меня эти мысли замучили. Вроде совсем не политик я, и от общественного движения далек. Как вы думаете, отчего вдруг такое? — благородным взглядом уставился Юлий Юльевич на столоначальника.

— Гражданская зрелость? Возмужание? Влияние умных книг? — сдерживая смехок, произнес Дульчиков. «Впервые с таким посетителем встречаюсь», — тут же пронеслось у него в голове.

— Не совсем так. В последнее время я вовсе не читаю. Чаще смотрю на мир, но, конечно, не на все его многообразие, а на мос-

ковскую культурную тусовку. Реже думаю о смысле существования. Так что мои переживания возникли спонтанно, без какого-то внешнего импульса. У вас есть время?

— Начальник за вас просил, кроме того, вы сами по себе интересный человек. С удовольствием, кх-кх, выслушаю вас. Впрочем, вы видели очередь. Так что минут пятнадцать есть, не больше. Прошу вас, рассказывайте. Умные рассуждения послушаю. Это так редко бывает в нашей работе!

Тут он ненароком взглянул на часы. Было одиннадцать пятнадцать. «Совсем немного осталось, — напряженно подумал генерал. — Через четверть часа таблетки начнут действовать. Любку надо успеть пригласить. А вдруг *этот*, который напротив, начнет ко мне приставать? Что делать-то, а? Спрашиваю я тебя, голубчик, какие действия предпримешь, а? Вдруг не сдержусь? А? Даже думать опасно. А если откажу? Что с моим столом произойдет? Отнимут, точно отберут! Сил у *них* много. Тут не всегда

деньги вопрос решают. Их главное совсем в другом, а? А что, если в действительности придется, чтобы стол защитить? Пойду ли я на это? Или сдержусь? Да подумаешь...»
Господин Дульчиков опять погасил смешок и с серьезным видом уставился на Юлия Юльевича.

— Все чаще и глубже начинаю я чувствовать, что мне этот мир непонятен, — стал медленно выговаривать слова посетитель. — История начинается с, казалось бы, простого, незначительного сюжета, взгляда, вида, реплики. А потом несет меня к мучительным переживаниям. К осмыслению собственной жизни, жизни своего окружения. Вот только что прошли выборы. Теперь почти все медиа-институты разглагольствуют о поражении демократических сил. Но есть ли у нас в России демократическое мировоззрение вообще?

«Что он ко мне пристал с этой чушью! — очень недовольно подумал Аркадий Львович. — У меня столько собственных

дел, а этот о социальных проблемах! Да не интересуется меня все это! Уже давно не интересуется!»

— Какой, простите меня, демократ господин Мавленский? Если он на шестисотом «Мерседесе», с охраной на джипах в канун выборов в больницу приезжает? На нем кашемировое пальто за пять тысяч долларов, костюм за три тысячи долларов! А весь дневной бюджет на одного больного не больше ста пятидесяти рублей, или пяти долларов. Как можно согласовать такие разные уровни жизни, ментальности, вкуса, потребительской морали? Или эта известная дама, Хакимедова? С ее утонченными аристократическими манерами, требовательным голосом, элитным жильем, претензиями светской львицы! Да она на парикмахеров в день расходует больше, чем средняя российская семья на свое питание в месяц, а то и в год! Или Ланцов? Что, он для вас тоже демократ? Это же человек шикерии! Высшей знати! У него облик царствующего вельможи! Замашки хозяина жизни! Помещика!

В этом месте господин Дульчиков как-то нервно взглянул на аппарат по обнаружению подслушивающих устройств. «Слава богу, включено. Его слова — основание для немедленного отторжения моего стола. Точно, отберут! Обвинят в заговоре! Они проиграли выборы, но их люди еще у власти. Еще очень сильно их лобби!» — занервничал генерал. Он хотел было расцеловать стол, всем телом прижаться к нему, но спохватился, остановил свой чувственный порыв. «Сегодня совершенно непонятно, кто за кого, кто против кого. Ералаш взглядов и мнений, любви и ненависти! Декамерон! Никогда не думал, что *эти самые* — социально ангажированный народ. Вот тебе наука, а? Но что он пристал? Скоро Любкино время наступит. Мне пора на диванчик, с молодым телом».

— Демократия начинается не с речей, а с собственного поведения, — полемическим тоном продолжал Юлий Юльевич. Впрочем, спорить тут было совершенно не с кем. —

Если политик ведет образ жизни типичного буржуа, то кто ему поверит, что он отстаивает демократические идеалы? Это то же самое, как если бы курильщик и пьянчуга начал пропагандировать здоровый образ жизни. После выпитой бутылки водки выходить на стайерский забег! Или из окон вытрезвителя выкрикивать политические лозунги. Демократы Европы ездят на велосипедах, мотоциклах, автобусах, недорогих машинах. А не на автомобилях класса люкс! Они носят одежду среднего сословия, а не мировых брендов! Они едят не в роскошных ресторанах, а в доступных среднему классу местах общественного питания. Пьют не вино по тысяче долларов за бутылку, а пойло, которым довольствуется народ. Они доступны, их можно потрогать, покритиковать!

Господин Дульчиков никак не мог понять, чего хотел от него посетитель, чего ждал он от него. Аркадий Львович был готов ему помочь, но в чем? «Почему он выб-

рал мои уши для этих глупостей? Может, у *них* есть какая-то своя программа? Политическая цель? Видимо, *они* хотят легализовать в обществе *свой* чувственный мир. Ведут борьбу за признание свадебных обрядов в *своей* среде. Но я тут при чем? Почему меня отвлекают от главного дела? А? Даю на все времена свое согласие на *их* инициативы. Только оставьте меня в покое! Я озабочен другим, совсем другим. Мне еще несколько миллионов нужно. А он о демократии... А? Тьфу!»

— Наш народ за свободу не борется. Массы не требуют ее с палками в руках. Они ждут от Мавленских, Хакимедовых, Ланцовых ее пришествия. Они ожидают получить ее в мраморном зале, под звуки государственного гимна, от публики в бабочках, с бриллиантовыми булавками, в смокингах. Какое разочарование! Заблуждение! Свобода не приходит сверху, уважаемый генерал, она завоевывается снизу. В борьбе! В ссадинах и синяках! В протестах и бунтах! Вспом-

ните Наполеона. Именно он редактировал первую конституцию Швейцарии. Начальные слова этого документа он написал собственноручно: «Один за всех и все за одного». Вот вам текст главного документа нации! А не замысловатые предложения ельцинских писак. Впрочем, наш народ привык жить в неволе. Ему слаще чувствовать себя обиженным, чем свободным. Он отвергает все, что не познано, что выходит за рамки культурных традиций. Не укоренился в стране перманентный гражданский протест! А общество без новаторства мертво. Поэтому культура нытья в России выше энергии обновления. Реформы нашего уклада тонут в желании приспособиться, прибиться к чужому плечу. Взгляните, как целуются наши чиновники! Давеча в Екатеринбурге я попал на банкет по случаю избрания нового губернатора. Чмокание мужских поцелуев заглушало эстрадную музыку! Сила объятий рвала швы прочных костюмов! От сладчайших тостов текли слюни! От высо-

копанных слов кружилась голова! Но что такое это возвеличивание, поцелуи, хвала, преклонение? Признание в любви и страсти — или символ покорности, знак преданности, сигнал общности? Если вы публично принимаете тысячи мужских поцелуев, пылких и полных вожделения, и отвечаете тем же, то кто вы? Человек без морали? Без культуры? Некто, кто совершенно свободен в половых привилегиях? В любви? Или в мужской нежности вы ищите защиту своим интересам, которую реальная жизнь и конституция вам дать не могут? Тогда поцелуй мужчины для вас — сакральный обряд самозащиты. Признание вашего публичного авторитета. Вашего веса в обществе. «Вон как он расцеловался с господином В-ым! А прошлым вечером — как нежно прощался он с Л-ым! Или как он обнимался с К-ым! Видно, значимая фигура в обществе. Человек со связями!» Ведь это же сегодня главное. Тут никакой свободной любви не заметишь! Тут страсть совсем другого по-

рядка: социальная, защитная, коррумпирующая. Именно это двуличие *нас* мучает...

Тут господин Дульчиков заметил, что спокойные, светлые глаза Юлия Юльевича полыхают огнем. Он испугался этого воспаленного взгляда. «Сейчас он что-то неожиданное выкинет. Но что, а? Неужели перейдет к *этому самому*? — мелькнуло в голове у Аркадия Львовича. Он даже серьезно забеспокоился: — А как вообще себя вести, если он... того? — Навязчивая мысль не отпускала столоначальника. Весь сюжет показался ему удивительным. — А то — поцелуй, мужская нежность, однополая страсть! Что он конкретно хочет? Этот странный господин заглянул явно не по тому адресу. И не выгонишь же, он от замминистра пришел...»

— Вы, кх-кх, батенька, не гневайтесь на российский быт. У них там, за бугром, заскоки похлеще наших. Ну и что, что мужики целуются? Братством называем мы эту традицию! — Тут он внутренне усмехнулся.

— Что же это ваше братство заведено лишь среди чиновников, признанных артистов и коммерсантов? Почему среди инженеров, ученых, таксистов, врачей, бухгалтеров, летчиков, учителей таких особых проявлений любви друг к другу никак не встретишь? Нет, уважаемый генерал, тут совсем другое дело. Поэтому я и напросился к вам на прием. В российском обществе, особенно среди тусовщиков, частенько можно слышать: когда хотят оскорбить человека, указать на его отвратительные поступки, низменные личные качества и чувства, то с удовольствием пользуются словом «педераст». На самом деле геи — преданные, высокочувствительные существа, очень далекие от человеческих пороков. Общественная инфантильность, глухота и слепота, неспособность разглядеть истинное в этих оригинальных людях вызывают и у меня, и у моих друзей чувство глубокой обиды!

«И как это я дал себя вовлечь в такую дискуссию, а? Мне это надо? Но этот Жас-

лупин, черт бы его побрал, так близок с министром... Как бы *этот* ему не пожаловался! Как бы стол не отобрали, не увели стол мой драгоценный! Еще бы год, ну, пару месяцев. Неужто придется мне с ним на диван ложиться? Вместо Любки... Срам! Но куда тут деться? А впрочем, кто узнает? Если мне иногда кажется, что я со столом готов в обнимку переспать, то почему не разрешить себе с *этим*... Недавно себе признался: чтобы свой стол защитить, готов десять миллионов долларов выложить. Неужели пятнадцать минут с *этим* не стоят таких денег, а? Куда неприятней оказаться без стола, чем в постели с Юликом! Да и кожа у него приятная, глаза красивые. Что скажешь, голубчик Дульчиков, а? Говори, время подходит, решай. Через пять-семь минут таблетки начнут действовать!» — Таинственная привлекательность момента буквально ошеломила его.

— Убежденность в несправедливости толкнула нас к созданию «Альтернативно-

го Союза». Цель этого общественного объединения — сплотить единомышленников вокруг новаторских идей реформирования общественной жизни России. Это чрезвычайно актуальная национальная тема. Мы оказались на задворках цивилизации. Все, что у них осуждается, у нас — желаемо! Что там дурно пахнет, здесь имеет приятный вкус. Если у них порочно, то у нас — востребовано. Вступайте, Аркадий Львович, в наши ряды! Становитесь активным членом нашего движения. Кстати, в него входят многие известные лица. Господин М-ов из правительства, господин К-ов из Администрации Президента, Ч-ский и Р-цер из Совета Федерации, члены руководства Генеральной прокуратуры, некоторые губернаторы, министры и заместители министров, видные депутаты Государственной Думы, телеведущие популярных каналов, военные. Вы же хотите спасти Отечество от лжи и двуличия? От двойных стандартов? Желаете жить в комфортной стране? Призна-

ваемой общественностью других государств мира?

«У меня уже брюки распирает. Что он пристал с политикой? Пусть прямо скажет: пойдём на диван для личного контакта. Меня же Любка ждёт! Организм требует! Но что мне ответить по поводу членства в их организации? Надо разузнать, что это такое. А почему не вступить, если столько известных людей? Может быть, это та же наша партия, но в тени, за шторами? И правят ею те же люди? Уже становится невмоготу. Брюки рвутся...»

— Хотелось бы знать круг моих обязанностей. За что, кх-кх, придется отвечать? Куррировать что, а?

— Вы аудитор. В команде нам необходимо иметь эксперта, способного по косвенным признакам оценить доход интересующего нас субъекта. Люди, близкие к власти, тусующиеся в кремлевских лабиринтах, потеряли чувство гражданственности. Они не платят и не собираются платить налоги со

своих доходов. Например, большая часть членов Совета Федерации или нижней палаты. Живут, как богатеи Запада, как миллионеры Востока. Что стоит за каждым из них? Сколько денег они проедают? Каковы их источники пополнения собственного бюджета? Или артисты. Эстрады и сцены. Ко мне нередко приходят письма, в которых авторы заявляют, что готовы платить двадцать, тридцать, пятьдесят тысяч долларов за вечер со своим кумиром. Я передаю их дальше. Но — никакого ответа! Вот, в самом конце октября передал одной длинноносой певице предложение: за один вечер в областном городе недалеко от Москвы инвестор готов выложить тридцать тысяч долларов. Почти два месяца — молчание. Три дня назад спросил: «Заинтересовало ли предложение?» Ответ: «Вы что, смеетесь? За такие деньги я петть не буду!» Нам нужно знать, сколько денег они берут за концерты. Платят ли налоги? Или все деньги — это исключительно черный нал? Государство этим не интересуется. Лучше

обняться с артистом! Чмокнуться! Прослыть либералом! Зачем ему кормить свой нищий народ? Оно беспечно. Богато связями и понятиями. Именно мы начнем заниматься этими вопросами! Тут хочу напомнить вам о публичных поцелуях, общественных ласках, вздохах, тостах и крышах. Чем крепче поцелуй, чем выше крыша — тем больше денег уводится от взглядов фискалов. Именно те, кто сами нарушают законы, чаще всего используют слово «педераст» с криминальным, унижительным оттенком. Какая несправедливость! Зачем чернить законопослушных граждан? Талантливых и одаренных людей? Если уж использовать это понятие, то оно должно звучать уважительно. Мы же не оскорбляем словом «поэт», или «музыкант», или «влюбленный». А они? Им так и хочется втоптать нас в грязь! Что это — зависть к порядочности? Оскомина от независимости этого племени? Не спешите, генерал. Думайте. Вы нужны Отечеству. Давайте бороться вместе! От вас совершенно не требуется, что-

бы вы стали *этим самым*. Уверяю вас, тут необходимо исключительно собственное решение. И мы будем его уважать. Вы симпатичный мужчина, я уверен, что в будущем сами придете к таким оригинальным чувствам.

«Совсем неплохо, а? Под *их* крышей трести политиков и артистов! — тут же смекнул господин Дульчиков. — К-ов из Администрации Президента, М-ов из правительства, Г-ский и Р-цер из Совета Федерации — влиятельные федеральные сановники. Тут можно уйму денег заграбастать. Свой стол защитить! Укрепить его опции! Подхолюзин обещал крышу в кабинете министров, Кузякин — в более широком диапазоне власти. Удачный день, голубчик Аркадий Львович! Но не торопись. Вначале надо подробнее об этой ложе узнать. Кто там главный? Кто правит бал?»

Утешительная мысль, пришедшая теперь в голову федеральному чиновнику, побудила сказать совсем другое:

— Готов вам во всем помогать. Зачем от государственных дел прятаться? Полезное дело задумали: российскую законность укреплять, налоговую, кх-кх, дисциплину на новый уровень поднять! Согласен, не по декларируемым средствам живет наша богема. В роскоши купается, а в бюджет копейки перечисляет. А почему, любезный, сам господин Жаслупин со мной об этом деле словом не обмолвился? Мы-то видимся каждый день! На совещаниях различные темы обсуждаем. Может, тайна тут есть какая? Помню, приезжал в Москву американский иллюзионист. Кремлевский Дворец был распродан на целых, кх-кх, пять дней! И средняя цена билетов — сто долларов. А налогов — ноль! Как это, а? Может, мы на чьи-то интересы посягнем? Не страшно? Время-то непростое, а? У кого защиты искать?

— Вы, господин Дульчиков, вначале решите, вступаете вы в наш союз или нет. А все эти вопросы обсудить времени будет достаточно. Не оставим мы вас, генерал! Вы

нам дороги. А поцелуй наш настоящей любви стоит. Искренней и нерушимой! Когда мы услышим ответ? Сразу после Нового года и Рождества? К десятому января? Подходит?

— Конечно! Это правильно, что время на раздумье, кх-кх, оставляете. Как иначе, а? Помозговать нужно. Решение-то ответственное! Скажите, а зачем вам эти данные, а? Станете шантажировать нарушителей закона? Ведь без инструментов исполнительной власти что с ними сделаешь? Прессе отдать? Сами знаете, какова она сегодня. Этот вопрос необходимо на самом верху согласовать. В скандальные истории впутываетесь! Шутка ли — Кирилла Мелипова проверять! Вся общественность встанет! Завоет пресса! По московским улицам пройдут демонстрации протеста! Или Марию Витулову! Ей достаточно грудь оголить, ноги показать, как все наши аудиторы проверку побросают, забудут задание и цифры и займутся онанизмом. Непростое дело вы

задумали. Без первого лица ничего не сделаешь. Мы же не Америка! — А сам подумал: «Тут проглядывается золотое дно, голубчик Дульчиков. Властное добро получить российскую театральную и эстрадную элиту потрясти! Политиков! А? Тут за месяц десяток миллионов живых денег заработать можно. Прекрасное предложение! Отличное! Я даже об эрекции позабыл. Теперь чувствую, что швы на брюках разошлись. Таблетки сильные, сволочь! А он об *этом* — ни слова. Почему? Неужели я не понравился?» — с легкой обидой размышлял столоначальник.

— Значит, встретимся сразу после праздников? Совсем не обязательно видеться в нашем офисе. Можно, кх-кх, в ресторане «Ностальгия» на Покровском бульваре. А? Там обсудим ваше предложение. Как вы на это смотрите, а?

— Договорились. Тогда я пошел.

— Да, до встречи! — бросил Дульчиков и размечтался. В наших министерствах ред-

ко встретишь чиновника, который не воодушевился бы идеей нового заработка. Ему стали мерещиться известные лица сцены, которых он в унижительной форме допрашивает о доходах, сверяя их показания с декларациями. «Они у меня еще запоют! Я выпотрошу капиталы этих сволочей! Перемещу деньги из их шелковых карманов на мои оффшорные счета. Они узнают фамилию государственного советника третьего ранга светлейшего князя Дульчикова! Она им снится будет!» — то и дело радостно проносилось в его сознании.

Едва господин Кузякин вышел, как в кабинет влетела Любочка Попышева. В руках у нее была баночка клубничного варенья. Она закрыла за собой дверь на ключ и недовольно бросила:

— Что это вы так долго? Я уж жду не дождусь! Куда мне? Сразу в постель? — А сама подумала: «Ну и ладно... Да и какая разница?»

«Десять-пятнадцать минут, но никак не больше, — мелькнуло в голове у Аркадия Львовича. — У меня в приемной еще двое в очереди, обед с начальником канцелярии министра Петром Сапегой, Махахорин. Этот черт здорово беспокоил меня! А что если он через своего самого главного начнет действовать? Тяжелую артиллерию в ход пустит? Тут без думца Подхолюзина никак не обойтись. Отодворцева из Администрации Президента и Харина из Центрального федерального округа надо на помощь звать. Впрочем, Петр Петрович пусть тоже включается в интригу. Он человек министра. Внутри ведомства обеспечивает прочную крышу. Сегодня за обедом ему к Новому году следует пачку зеленых презентовать. Может, двадцать? А? Ведь соблазнительная же цифра! Нет, начну с десяти! Десять тысяч долларов — тоже прекрасная цифра! А деньги эти с Семенюры взыскивать придется. Пусть банк не из моих комиссионных новогодний гонорар чиновникам

выплачивает, а даст мне из своего фонда пятьдесят тысяч долларов, чтобы по этажам Министерства раздать. А как же, а? Стой, голубчик Дульчиков, как же ты не подумал?! Необходимо завтра же поутру комплексную комиссию всех фискальных структур с проверкой на завод православной церкви в С-но направить. Завтра же! Поутру! В восемь часов уже на заводе! На месяц! Пятнадцать человек! Из прокуратуры, МВД, ГТК, ФСБ, ЦБ, МНС, Контрольного Управления Президента, Счетной Палаты, нашего ведомства. Пусть роют. Лопатами и бульдозерами! У них многое можно найти. Нет же! Не завтра, а сейчас, немедленно, а? Чтобы Махачорина от моего стола отвлечь. Если он узнает, что завтра на завод прибывает комплексная проверка, то станет ли он на мой стол коситься? Хватит ли сил и времени? Откуда? Свой стол начнет защищать! Кто он без стола? Прохиндей он высшей гильдии! Но таких мерзавцев в России нынче пруд пруди. Этим планом время можно вы-

играть. Но чтобы четверть миллиона махахоринских не потерять, проверку осуществить не силами моего отдела, а Пятым подразделением генерала Бутылина. А я в тени отсижусь. Моя легенда: решаю вопросы по снятию акцизов на драгоценные металлы для нужд православной церкви! Впрочем, пока не рассчитается, шагу не сделаю. После обеда Подхолюзин объявится. Все защитные силы придут в движение. Я этому Махахорину покажу! Он две недели от комиссии отходить не будет! Она свяжет его по рукам и ногам. А чтобы акты приличными оказались, можно еще полмиллиона долларов запросить. Мне посредником стать между моим коллегой Бутылиным и моим знакомым Махахориным. Процентом тридцать с этой сделки сам бог велел снять. Состояние упрочить». Столоначальник хотел было снять трубку прямой связи со своим секретарем, но тут прямо перед собой услышал:

— Аркадий Львович, так что мне делать? В постель? Вы же хотели развалеться!

— Минутку, кх-кх, Любаша! Садись за стол и пиши приказ за подписью начальника департамента о комплексной проверке завода в С-но. Потом начинай составлять поименный список межведомственной комиссии по проверке этого предприятия на предмет уплаты НДС, таможенных платежей и пошлин. Документ можно дополнить поручением в Центральный округ города Москвы, кх-кх: проверить все торговые точки, где реализуются изделия С-го заводика.

«Там тоже улов может быть приличным, а?» — не без основания радостно подумал генерал Дульчиков.

— Аркадий Львович, давайте поработаем после того... — огорчилась блондинка Любовь Леонидовна. Уголки ее пухлых, цвета закисшей вишни губ опустились. Кажется, она вот-вот заплачет.

— Что с вами, госпожа Попышева? Сейчас же садитесь писать! Лишь после дел наступит

потехе час! — А сам подумал: «Как же быть дальше? Напряжение в брюках слабеет! Что, опять таблетку принять? Врачи не рекомендуют. Да и времени ждать нет. Медицина начнет действовать только через час».

Он подошел к окну, взглянул на Маросейку, и опять на его сознание стали наворачиваться странные, не связанные между собой мысли: «Повертеться бы на крючке Сантапукина. Стол вице-преьера — мощнейшее оружие для оккупации рукавчика денежного потока. Много не надо! Всего лишь небольшой дренаж с горлышком в пять сантиметров. Ну, десять! Главное, ненадолго, а? Не на всю жизнь, как некоторым подхользуиным. Всего лишь на пять-шесть крупных работ! На какие-нибудь пятьдесят — семьдесят миллионов долларов! Не больше! Что это от бурного денежного водопада России? Капля! Я даже на полкапли согласен. Может быть, по их измерению одна капля на больше тянет, чем на семьдесят миллионов. Не стану спорить.

Пожалуйста! В таком случае, согласен на пол- или четверть капли! Прошу вас, дайте пятую часть капли государственному советнику третьего ранга светлейшему князю Аркадию Дульчикову. Не хотите? Отказываетесь? У вас плохой слух? Тогда я сам возьму! Поняли? Слышали? — Потом вдруг совсем о другом стал думать чиновник: — А если бы этот Кузякин меня в постель позвал, а? Интересно, как *это* у них делается? Кто кого? Как? Откуда куда? Пятьдесят лет прожил, генерала получил, на выходе княжеское звание, а в *этом* модном деле совершенно ничего не смыслю!»

Тут господин Дульчиков усмехнулся, да так искренне и радостно, что девица Попышева даже подумала, не спросить ли начальника, чему это он так душевно заулыбался, но потом отмела эту мысль: «Еще отругает! А мне еще два года учиться. На стипендию не прожить!»

«А вдруг *это самое* мне по душе придется? — продолжал размышлять генерал. —

Кузякин что-то по этому поводу намекал. Что, я тогда к девкам остыну? Впрочем, и сейчас я не очень уж горяч, а? — В этот момент господину Дульчикову пришла другая идея: — Почему я Вадбольского о титуле герцога не спросил? “Герцог” звучит более внушительно. Или “герцог” — польское звание? А может, немецкое? Да, с историей у меня худо... Надо Митьке денег оставить, чтобы метров тридцать прочной веревки купил. Не только для моей эвакуации, но чтобы при пожаре стол на Маросейку спустить. Неужели такая замечательная идея и другим пришла в голову? Нет, не думаю. Уверен, что нет, а? Если нет, то окажусь я единственным чиновником в ведомстве, который за своим столом сможет дальше служебные функции выполнять. Ну и что, что холодно? Можно в стеганом пальто, в оленьих валенках да в норковой ушанке прием посетителей вести. Дорогая одежда позволит поднять тарифы за услуги! Значит, если наше ведомство сгорит, а я со своим столом выберусь, то пока всех по

новым кабинетам не рассадят, останусь единственным чиновником на службе, а? Не будет ни министра, ни пятнадцати его заместителей, ни двадцати семи начальников департаментов. Один я! Лишь один государственный советник третьего ранга светлейший князь Аркадий Дульчиков. Звучит-то как гордо, а? Настоящие вопросы начну самостоятельно решать! Сколько денег потянется в мои карманы! Так, может, создать пожар? Поджечь? Как поджечь? — испуганно подумал господин Дульчиков. — Да просто! Пустить красного петуха. Рассчитаться с Митькой — и пусть горит окаянная, а? Улица Маросейка так узка, так много здесь машин и пешеходов, что пожарные лишь на пепелище успеют приехать. Из всего Министерства останется лишь один столоначальник — предусмотрительный господин Дульчиков. Со своим столом, печатями, деловыми бумагами. Как, а? Я спрашиваю тебя, голубчик, как сюжет-то, а? В такой композиции секретарь — совсем лишняя персона. Для

чего свидетелей своей активной деятельности создавать? И потом, куда диван ставить? А без него, спрашивается, зачем секретарь нужен? Что она делать-то будет, а? Улица сама людей в очередь выстроит. Запись по ранжиру составит. Да, пожалуй, надо с Митькой этот вопрос обсудить. Без здания и секретаря службу продолжать».

— Что дальше делать, Львович? — отвлекла его от размышлений Попышева.

«Это какое поручение я ей дал? — задумался столоничальник. — Ах, да! С-но! Махахорин!»

— Ты текст приказа составила?

— Написала. По образцу, как раньше. — Деловитость начальника в такие важные минуты ее несколько не смущала.

— А список членов межведомственной комиссии написала?

— Нет. Кого записывать? Это только вы имена можете назвать!

Минут десять чиновник с секретарем составляли эти списки.

— А теперь что? — смиренно уставилась на Аркадия Львовича Люба Попышева.

— Иди к дивану. Я сейчас, кх-кх, подойду.

Секретарь покорно скрылась в апартаментах.

«Напряжения в брюках никакого. Что делать, а? — стал раздумывать господин Дульчиков. — Может, дать ей сто долларов, чтобы ушла? Сто — много. Куда там, сто! Для нее это капитал! Она же зарплату получает. Правда, всего-то ничего: сто семьдесят долларов в месяц. Но с моего стола кормится. Я ей подбрасываю. Правда, мелочевку! Но она ведь и от посетителей имеет! Дать пятьдесят? К Новому году я думал ей пятьдесят долларов презентовать. На подарок. Чтобы сама выбрала. Можно сейчас преподнести. А если до Нового года Митька офис спалит? У меня никаких обязательств не будет. Тогда каждый сам по себе. Да чего мне стесняться? Есть напряжение, нет его, смогу или нет! Опытная женщина всегда под-

нимет тонус. Так-с, голубчик Аркадий Львович, теперь иди. Все обойдется. Американская медицина крепка. Может, еще таблетка второе действие даст, а? Ну, пошел!»

После этих подбадривающих мыслей столоначальник направился в служебные апартаменты и выключил люстру — господин Дульчиков не любил этим делом при ярких огнях заниматься. Оставив лишь слабенький свет ночника, чиновник медленно разделся, аккуратно повесил на деревянные плечики свою униформу, про себя без сожаления отметил, что никакого напряжения нет, и, тем не менее, долго не раздумывая, юркнул под одеяло. Не успел он коснуться молодого тела тепленькой Любашки Попышевой, как тут же оказался в ее объятиях.

Молодая женщина, видимо, не была влюблена в Аркадия Львовича. Три года назад приехав в Москву из провинциального Гдова у Чудского озера, она больше года была содержанкой у начальника паспорт-

ного стола одного из отделений Северо-Восточного округа столицы. История с благородным милицейским чиновником закончилась тем, что он зарегистрировал ее по адресу одного метростроевского общежития, дал блондинке целую тысячу рублей и распрощался — встретил новую подружку, девятнадцатилетнюю деваху из Липецкой области. Но к первому своему благодетелю у Попышевой тоже никаких любовных чувств не было. Они случайно встретились на одной вечеринке в Отрадном у знакомой из Великих Лук. Лысый паспортист, долго не раздумывая, пригласил Попышеву к себе на квартиру — чайку попить. Так и застряла молодуха на Нижней Масловке на долгих пятнадцать месяцев. У провинциалки собственной квартиры не было, а великодушный офицер не выставлял ее за дверь, кормил, поил и денег не спрашивал. Правда, он свободно пользовался ею как домработницей и наложницей. Но это было по обоюдному согласию,

правда, заверенному не нотариальной конторой, а молчаливым поведением самой квартирантки. Были ли у него какие-то к ней чувства, сказать весьма затруднительно: он был скрытным мужчиной. Впрочем, могло сложиться впечатление, что и он, и она жили вместе для удобства. Его всегда ждала опрятная молоденькая женщина, не говорливая и без претензий. Что подбрасывал он, тому она всегда тихо радовалась. Сама же Попышева не искала ни работы, ни места учебы, ни собственного жилья, ни другого кавалера, ни средств на жизнь. Жила она очень провинциально, спокойно, без суеты и запросов — точно так, как в родном Гдове. Впрочем, паспортист пользовался ею с максимальной выгодой для себя, а боязливая молодая особа, кроме того, что он по своему усмотрению сбрасывал ей со своего плеча, совершенно ничего никогда не требовала. У нее и просьб к нему никаких не возникало. Любовь Попышева являла собой типичный образец невзыска-

тельной русской женщины: что Бог посылал ей, то она безропотно и безмятежно принимала.

Но была в их отношениях и своя тайна. Молодая особа с берегов Чудского озера обладала роскошной грудью. Когда личные апартаменты паспортного начальника посещали друзья, почти каждый из них уводил его в сторону и шептал: «Ну, старик, поздравляю! Какая у нее великолепная грудь! Кайф! Если надумаешь бросить, перекинь ее мне. Обязан буду!» Кроме того, чиновник милицейского ведомства не раз замечал, как друзья бросали на его наложницу похотливые взгляды. Они так смотрели на нее, что он чрезвычайно переживал, а в глубине души даже ревновал до чертиков. Но ревность тут была не столько любовная, сколько, если можно так выразиться, материальная. Он владел безмятежной провинциалкой, как комфортным предметом. Попытки же других с вожделением поглядывать на его собственность вызывали у него, словно

у старого доброго русского помещика, глубокие страсти и переживания. В последние месяцы он стал редко приглашать друзей и почти перестал ходить со своей дамой в гости. Но Любочка Попышева об этих волнениях содержателя ничего не ведала. Она так же спокойно рассталась с ним, как и встретила. Без лишних слов и обид. Молоденькая женщина лишь успела бросить: «Пока!» Однако было совсем непонятно, кому адресовалось это «пока»: мужчине, самой себе или времени?

Несколькими днями позже блондинке встретился одинокий стареющий начальник поезда номер шестнадцать Москва – Екатеринбург. В первые месяцы он возил ее по восточному маршруту. Мелкий чиновник железнодорожного ведомства имел веские основания брать ее с собой в дорогу: с одной стороны, боясь потерять, с другой — не рискуя оставлять одну в его обставленной квартирке. Мало ли что могло случиться! Коренной моск-

вич отлично знал: нынешняя российская жизнь богата сюрпризами. Впрочем, позже, видимо, поняв, что рядом с ним безобидное существо, он разрешил ей жить у него. Но тут тоже существовала своя тайна: шестидесятитрехлетний ветеран стальных магистралей так искренне и душевно выкладывался на встречах с молодой дамой, чтобы показать мужскую мощь, что скоро понял: выдыхается! Помирает! Поэтому дозволение дожидаться его дома он дал Попышевой и по скрытым причинам. Чтобы перевести в командировке дух! Мужская утомленность добропорядочного железнодорожника восточного маршрута замечательно сказалась на дальнейшей судьбе молодой женщины с берегов легендарного озера. Поняв, что выдыхается, начальник восточного экспресса стал компенсировать усталость повышенным вниманием к биографии своей содержанки. Он устроил ее на вечернее отделение Института Государственного Управления

и помог получить низшую должность в ведомстве, в котором ярко и полезно служил господин Дульчиков. При расставании он вручил девушке пятнадцать тысяч рублей, пустил слезу и нежно попросил не забывать дни совместного проживания. Любаша Попышева чмокнула его в щечку и со словами: «Спасибо за все!» — без какого-либо сожаления съехала с квартирки. Правда, еще недельку она время от времени вздыхала: «Ну и ладно... Да какая разница!» Но потом все забылось.

Через пару месяцев расторопный начальник отдела кадров ведомства на Маросейке, отправляясь на недельный отдых в калужский пансионат фискальных чиновников, взял блондинку с собой. Впрочем, больше встречаться не стал, но помог: пристроил секретарем к Аркадию Львовичу. Когда генерал впервые увидел ее, то сразу понял: сексапильная особа способна вызвать у него полезные для здоровья чувства. Так начался новый этап биогра-

фии русской провинциалки: уже около года она тешила мужскую гордость господина Дульчикова.

В тускло освещенных апартаментах продолжались эротические сцены, но никакого эффекта они не давали. Попышева пыталась различными соблазнительными приемами повесить тонус Аркадия Львовича, однако все было напрасно. Генерал уже подумывал встать и забыть эту затею, как вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль: «Может, настроение поднимется при виде пачек долларов? Новых, с желтизной? С портретом Джексона? Или фиолетовых купюр евро?» Воодушевленный неожиданной фантазией, столоначальник вскочил с кровати, открыл портфель, вытащил из него три пачки с Джексоном и две — с купюрами евро в упаковочных лентах банка «Аллегро». Он разложил ассигнации в профиль на тумбочке, включил свет, чтобы лучше их

видеть, и опять залез под одеяло. «Ну, сейчас, Любка, держись!» — радостно подумал генерал.

«Неужели столько денег он хочет подарить к Новому году? — удивилась блондинка. — Зачем они мне в таком количестве? Смешно! Неужели это за мои старания? Мужчины — странный народ. Да мне-то что?»

В этот момент раздался звонок мобильного телефона. Никто, кроме как из самого близкого окружения, не мог знать этот номер. «Тьфу, совсем не вовремя! По телу уже пошло волнение, а? А тут этот проклятый звонок!» Аркадию Львовичу опять пришлось вскочить с кровати. Он вытащил из кителя «Панасоник» и включил связь. Звонил Петр Петрович Сапега. Он просил приятеля заглянуть к нему на полчаса позже, чтобы вместе пообедать. Аркадий Львович согласился, но предложил встретиться в ресторане. На этом связь закончилась. Столоначальник выключил телефон и опять залег на кровать. «Сейчас все полу-

чится. Даже времени достаточно!» — ухмыльнулся он. Молодая особа опять набросилась на чиновника. Она обрушила на него такую эротическую мощь, что, казалось, кровать болтало, как при девятибалльном океаническом шторме или землетрясении. Но результата пока не было.

— Любаш, ты не загораживай мне глаза своей грудью и волосами! Я должен на тумбочку смотреть.

«Он что, решил, что я деньги сопру раньше момента дарения? Вот придумал! Что мне с ними делать?» Любовь Попышева послушно сползла за спину господина Дульчикова. Ее эротическая атака продолжилась с новой силой. Вдруг столоначальник действительно почувствовал некие волны, пробежавшие по телу, и легкое напряжение. «Началось, а?» — обрадовался он. Впрочем, тонус был еще слаб, и никакие старания молодой женщины пока не спасали. «Да что такое, а? Может, *этот* Кузякин меня заколдовал?» Эта неожиданная мысль

сразила его полностью. Бедный генерал даже раскашлялся. «Ну, сволочь! Что же это он со мной сотворил? Да как же так? Как он посмел, а? Жить-то как дальше? А может, попробовать, чтобы убедиться? Чтобы точно знать, что именно меня напрягает? Чтобы не был смешон государственный советник третьего ранга. Светлейший князь Аркадий Дульчиков! Конечно, надо экспериментировать. Впрочем, вдруг, боже мой, а? Да, тут совершенно с ума сойдешь! Зачем гадать? Надо испытать себя! Чего только не приходится делать в этой России! И почему я родился именно здесь, а?»

Столоначальник отстранил усердную молодую женщину, приподнялся на кровати и еле слышно проговорил:

— Дорогая, принеси-ка побыстрее мужской портрет!

— Какой, Львович? Что, президента из вашего кабинета?

«Нет, только не его!» — испугался генерал.

— Что, никого другого нет? Столько к Новому году календарей наносили! Поищи, дорогая, только быстрее.

«Никогда он меня дорогой не называл, — недоуменно подумала Попышева. — Что это с ним? Неужели жениться захотел? Так у него же семья! Да и мне он не нужен. Но зачем ему мужской портрет? Видимо, поклясться желает!» Она встала с дивана и голая направилась в чуланчик, где были складированы новогодние подарки. Найдя календари, блондинка стала перелистывать их. Первый, на котором было мужское лицо, она вытащила из стопки и внесла в апартаменты.

— Вот, Львович, нашла.

— Разверни. Нет ли там членов правительства?

— Вроде нет.

Она раскрыла настенный календарь 2004-го года. На ведомственного генерала смотрело улыбающееся лицо телевизионного шамана Мирона Припозера, известного

во многих столичных тусовках под именем Красный Носок.

«Чего это она Мирона принесла? А впрочем, почему бы и нет? А? Голубчик Дульчиков, смелее! Ну и что, что в первый раз? Видишь, он даже улыбается. Гладкое лицо, хитрый взгляд — все тут волнительно! Кто знает, как он на мое здоровье подействует? Вдруг положительно, а? Ведь этот Кузякин меня явно приворотил», — стал размышлять господин Дульчиков.

— Любаш, повесь календарь на стенку. Прямо передо мной. Чтобы я его лицо постоянно видел. Оно должно быть перед моими глазами! А ты за спину ложись. Как прежде! Должно все получиться, а?

Блондинка молча, с легким удивлением — впрочем, мимолетным, — улеглась в постель, и опять началась эротическая буря. Господин Дульчиков всем телом чувствовал атаку сладострастия, а перед его затуманенным взором маячил почти живой Припозер! И выглядел телешаман даже несколько мо-

ложе, чем на экране: кожа на шее подтянулась, щеки и лоб избавились от морщин, волосы почернели, плечи сузились. Кажется, он даже что-то пытался говорить — генералу слышались иностранные слова. Но поскольку он никаких чужих языков, кроме нескольких слов из немецкого, не знал, то, естественно, ничего не понял, однако подумал: «Тоже привораживает, что ли, а?»

В этот момент господин Дульчиков настоящему почувствовал напряжение. Оно вроде даже усиливалось. Тонус стал подниматься. Белье слегка натянулось. Появилось желание. Оно росло! Казалось, еще минута — и все начнется. Улыбающийся телешаман даже начал куда-то звать Аркадия Львовича. В какую-то соблазнительную заграничную неизвестность. И Любаша Попышева подумала, что необходимо еще чуть-чуть, ну самую малость прибавить жару, чтобы путешествие, наконец, началось. Но тонус хоть и приподнялся, однако никак не достаточно. Планка основательности не была достиг-

нута, чтобы открыть этот важный забег. «Тьфу, чертовщина! Что же это со мной, а? Как это объяснить? Американскую таблетку принял, юная, грудастая девка все тело от пяток до ушей мне расцеловала, на соблазнительные деньги Европы и Америки вдоволь насмотрелся, воочию, прямо перед собой лицезрел телешамана Мирона — а результат нулевой. Что это, а? Как такое может быть, спрашиваю я тебя, голубчик Дульчиков? Взволнованность? Откуда, а? А? Не может быть! Махахорин? Инстинкт ошеломил меня, а? Опасность за свой стол почувствовал? Да, стол! Стол, а? Конечно, стол! Он мешает мне сосредоточиться». В этот момент Аркадий Львович вспомнил, что когда он обнимается и нежничает со столом, тонус всегда поднимается. Что нередко дело доходит до музыки в ушах. «Может, с ним попробовать, а? Посмотреть, что получится? — тут же пронеслось в его голове. — А чего стесняться? Что мне секретарша, тьфу!»

— Любаш, посмотри, кх-кх, среди календарей: есть ли фотография или изображение стола? Если найдешь, приноси сюда. На стену его, рядом с Мироном Припозером!

Тут он посмотрел на часы. До встречи с Сапегой оставалось двадцать минут. «Бог даст, успею, а?»

Женщина с берегов Чудского озера внесла в апартаменты календарь и повесила его на крючок над тумбочкой. Генерал Аркадий Дульчиков с трепетом ждал это волнительное изображение. Когда он увидел перед собой нарисованный неизвестным ему художником стол, то сразу даже подумал: «А не мой ли стол послужил натурой для этого изображения? Уж очень похож, а? Ну, прямо мой, любимый! Доходный! Настоящий генеральский! Ненаглядный! Кто же его писал? Когда, а? Сколько энергии в этом столе! Силы! Какая необыкновенная аура исходит от него! Истинное волнение вызывает эта мощь!» Тут он почувствовал,

как затрещало его белье. Тонус поднялся на должную высоту. Глаза засверкали, повлажнел взгляд, на пятках выступил пот, нёбо пересохло, редкие, слегка подкрашенные волосы вздыбились.

— Любаш, быстрее прыгай в постель, выключай свет, начали! — в каком-то животном нетерпении торопливо бросил он. А про себя подумал: «Теперь экспериментально доказано: отныне суждено мне спать только с моим столом! Но как же это, а?»

Первой из апартаментов вышла Попышева. Ее несколько ироничный взгляд не соответствовал спокойным мыслям. «Скоро уходить, а он заснул. Придется через пару минут будить его, иначе опоздает. А потом раскричится, наговорит обидных слов, — размышляла она. — Впрочем, пробуждение у него всегда тяжелое. Как после большой пьянки. Но сегодня Аркадий Львович показался мне особенно странным. То одно ему,

то другое! Неужели все мужики такие? Если деньги начнет предлагать, я откажусь. На что мне такая сумма? Тумбочка завалена. Ну, двадцать долларов, ну, пятьдесят. Но больше никак не возьму. Что, продаюсь я ему? Зачем мне такой хозяин на всю жизнь? Если каждый раз перед постелью он аналогичные сцены устраивать будет, то долго я не выдержу. А как смешно он на телевизионщика смотрел! Глаза, как на диво, вытаращил. Обомлел от изумления. Ну, прямо в него влюбился! Да, так он и выглядел! Впервые такое за мужчиной замечаю. Ну и ладно... Да и какая разница?». Она аккуратно свернула газету, в которой размещалась статья о Х-ком, ответила на служебный звонок, сказав, что столонячальник на совещании, подтянула колготки и подошла к окну на Маросейку. Молодая женщина всмотрелась в толпу людей и подумала: «Все куда-то несутся, торопятся, но куда? Зачем так быстро? Сломя голову! Все равно каждый окажется лишь там, куда бросит его судьба.

Хоть корову дои, хоть грибы в лесах в корзину складывай, хоть каблуки на столичном асфальте сбивай или за пятерками в зачетку гоняйся. Бегай в поисках жениха, красивого платья, лучшей доли. Все впустую! Если чуду суждено сбыться, то оно явится. Оно найдет тебя в самом неприметном месте. Даже в Гдове!.. Уже, видимо, пора начальника будить. Ох, как похрапывает! Протяжно! С редким кашлем! Но свист-то нашенский. Так мой дед и отец при храпе посвистывали. Детство вспоминается... Сладко ли ему во сне, или он горькие слезы льет? Впрочем, мне-то фиолетово...»

Любовь Попышева медленно поплелась в апартаменты.

Господин Дульчиков спал. Это был дневной сон — короткий и яркий на видения. Картинки перед глазами были такими необыкновенно правдивыми, что он ни при каких обстоятельствах не позволил бы себе

считать, что все с ним происходящее является всего лишь сном. Что он находится не в реальной, а в виртуальной жизни. А вышло ему совершенно невероятное: под руку со своим столом, который по каким-то своим причинам генерал стал называть столешницей Дусей, входил он в один из дорогих столичных бутиков на Кутузовском проспекте. Фигурка у Дуси была самая отменная, а вот лица ее он никак не мог разглядеть. Оно пряталось в каких-то исписанных убористым почерком бумагах. Сверкали лишь темные глаза. Их таинственный блеск напоминал генералу почерневшие замочные наличники, которые сияли на ящичках его стола. Господин Дульчиков искал ей вечернее платье. Столешница Дуся была капризным существом. Ей практически ничего не нравилось. Взбалмошная барышня брезгливо перебирала дорогие наряды, как чиновник с кислой физиономией перелистывает скучную почту. Вокруг нее носились консультанты, ее обслуживали менеджеры,

модные вещи подносили ей вышколенные, строгие, но всегда с улыбкой на лице продавцы. Каждый наряд стоил от двадцати тысяч долларов! Но когда она слышала такую цену, то просто отказывалась примерять. На вопрос: «Что вам поможет понравиться?» — она вскидывала руку к потолку, давая понять, что согласится лишь на что-то заоблачное. По цене и качеству. Но даже больше по цифрам на ценнике. Ей стали подносить наряды от пятидесяти тысяч долларов — они не вызывали у нее никакого интереса. Стали показывать платья от семидесяти тысяч — она их игнорировала. И только когда ей сказали: «Взгляните, госпожа, это наш самый дорогой костюм. Он стоит сто тысяч долларов!» — она сверкающим мимолетным взглядом осмотрела наряд и небрежно бросила генералу Дульчикову: «Столоначальник, платите! Или вы внесли деньги заранее? Именно так поступают новые русские! Хотя правильнее было бы приобрести весь магазин. С персоналом, кол-

лекцией и зданием. Лишь такая философия может стать привлекательной. Ой, не прощайте вам, генерал, если вы этого не сделаете! Если вы не выкупите все магазины Кутузовского проспекта!» После этих ультимативных слов она с совершенно не мебельной, а, скорее, артистической грацией пошла в примерочную кабинку. Ошеломленный Аркадий Львович обомлел: «Как это, а?» — мелькнуло в его оцепенелом сознании. Тут-то все и произошло. Какая-то магия! Как будто штатный волшебник вмешался в эту историю. Из кабинки вышла вовсе не столешница Дуся! Из нее появился молодой мужчина. Он выглядел как вальяжный аристократ. Как новый русский, входящий в женевский ресторан «Бабилон», как стопроцентный кремлевский чиновник на президентском пороге, как победивший игрок мирового рейтинга в казино Монте-Карло. При виде этого красавца господин Дульчиков вначале потупил взор. Нельзя же смотреть на солнце! Но когда тот подошел ближе и

яркость спала, Аркадий Львович признал в незнакомце какие-то черты, присущие несколько женской физиономии господина Жаспупина. «Как это, а? — во сне возбужденно вскричал генерал. — Где ты, Дуся?» Он бросился в примерочную кабинку. Но никаких следов столешницы там и в помине не было. Он обернулся: перед ним стоял тот же роскошный тип, лицом напоминающий заместителя министра собственного ведомства. Генералу слышалась его угроза: «Если откажешься работать с Кузякиным, отберем твой замечательный стол!»

Именно в этом месте видений блондинка Попышева легонько толкнула его в плечо.

— Просыпайтесь, Львович! Вам пора на встречу.

— Нет, никогда! Стол я не отдам! Нищим останусь, но не видать ему моего стола! А эту Дуську, сволочь, изменницу, я проучу... — прокричал чиновник фискального ведомства, да так громко и зло, что гдовянка основательно перепугалась.

— Какую, простите, Дуську? — удивленно спросила она.

— Я знаю, о ком говорю. Ну, ты, Любаша, кх-кх, иди. Иди! Я оденусь и побегу по делу. Да, вот еще что. В приемной меня ждут Гусь и Трещалов. Принять их у меня нет, кх-кх, никакого времени. Пусть приходят после обеда. Я выйду через кладовку. Да, пусть Митька караулит меня у выхода. У меня к нему есть небольшой разговор. И еще: если позвонит Подхолюзин, оставь ему мой мобильный номер, а баргузинской команде передай мой приказ возвращаться и закрывать расследование с чистейшим протоколом. Ясно?

Они молча разошлись.

Буквально тут же секретарь опять вбежала в кабинет.

— Аркадий Львович, Гусь плачет! Просит хоть на секунду принять.

«Его рекомендовал Трирогов из Арбитражного суда. Нужный человек этот судебный начальник! Он же ведет дело по прива-

тизации Елаьминского металлургического комбината. А в нем у меня свои интересы, а? — мелькнуло в голове у столоначальника. — Надо послушать. Что у них там?»

— Приглашай, Любашка, господина, кх-кх, Гуся. Но у меня в кабинете плакать не положено. И время ограничено.

В кабинет вошел молодой человек не старше тридцати лет. Высокий, приятной наружности, в модной одежде. В руке у него была изящная лайковая папка.

«Не верю, чтобы этот тип плакал. Видно, Любашке сотню долларов отстегнул, вот она и завыла: “Гусь плачет! Гусь плачет!” Каждый о своем достатке печется! Ничего, Сапега пару минут подождет. Ему еще надо десять тысяч приготовить».

— Так-с, слушаю вас, молодой человек. Чем могу быть полезен?

— Я от господина Трирогова.

— Преотлично известен мне этот симпатичный юрист! Считаю его, кх-кх, своим приятелем. Кланяйтесь ему. Что привело вас к нам?

— Ищу ход в Центробанк. Меня интересуется начальник департамента валютного регулирования госпожа Иващенко. Можно говорить открыто?

— Да! А ваш вопрос никак иначе решить нельзя? Она очень тяжелая дама. Прошу изложить суть проблемы коротко. Я ограничен во времени.

— Я имею три птицефабрики в Нечерноземье. У меня доходный бизнес, рабочих мест более тысячи. Договорился купить аналогичное предприятие в Чехии. Чтобы быть ближе к Европе. Никакими кредитами не пользуюсь. Деньги на этот контракт беру из своих оборотных средств. Чешская компания теряет национальное юридическое лицо, становясь филиалом российской фирмы. То есть она перестает платить налог на прибыль в Чехии, а по совокупному балансу начинает платить в России. Государственному бюджету это выгодно, а этой мерзости Иващенко — нет! Что можно сделать, господин Дульчиков? Подписание договора о

покупке нельзя затягивать на долгое время. Я уже четыре месяца жду и кормлю чехов байками о непробиваемой российской бюрократии. Но они не хотят терпеть нашу бесхозяйственность. Продажа и покупка фирм — это же свой мировой устоявшийся рынок! Готов платить! Но кому? Иващенко берет деньги лишь от своих знакомых. Есть ли у вас на нее выход?

— Какую сумму вы готовы выложить?

— Три процента от продажной цены. Это сто пятьдесят тысяч долларов.

— Такие деньги, молодой человек, у Иващенко никакого, кх-кх, энтузиазма не вызовут. Это для нее мелочь!

— Да за что этой сволочи вообще платить?! Ведь закон есть! Он должен работать. Пока в России на чиновников в суд нельзя будет подавать, никаких положительных реформ не следует ждать. Сто пятьдесят тысяч мало! За что? Мне легче десятку зеленых университетским или плехановским подкинуть, чтобы ей ноги выломали, печень

отбили, зубы в коллекции антропологического музея выставили. На год в больницу прописали!

— Что, есть такие, кх-кх, группировки? Никогда не думал, что студенты этим бизнесом займутся! — наигранно возмущился Аркадий Львович. А сам подумал: «Очень опасный молодой человек. Весьма приятный на вид, но сколько ненависти, злости! Бандюга! Изверг! Однако посланцу Трирогова необходимо помочь. Здесь чужое рублевое дело, а в Елатье моих несколько миллионов долларов. Хотя этому Гусю самому голову свернуть стоит. Я бы сам десятку дал! И еще бы подкинул! Каков праведник! Небось, кур направо и налево списывает, а? Знал торгует! Говорят, что женщин в чиновники пускать нельзя. Вот, Иващенко — характерный пример. И как она не вычислила этого уroda? Он же очень опасен!»

— Вы что, не знаете особенностей своей страны? — усмехнулся господин Гусь. — В России тотальный бизнес. Им занимают-

ся все профессии и сословия. Во все времена суток. Учителя ставят оценки — потроши карманы родителей! Пожарные тушат дома — опустошай бумажник! Милиционеры расследуют преступление — раздавай взятки! Врачи лечат больного — готовь пятизначные гонорары! За прописку, за паспорт, за отсрочку, за право выезда, за регистрацию новорожденного, за развод, за справку, за выписку, за наследство, за место на кладбище — теперь за все надо платить! Нал! Ведь какое сладкое слово: нал! У кого нет шансов заработать нал, тот мечтает! Видит сны. Если власть победит коррупцию, Россия замрет от ужаса! Гробовой страх поселится в душах соотечественников. Что делать? Неужели можно жить без поборов?

— Может быть, может быть! — задумчиво протянул генерал, а сам подумал: «А что тут плохого, а? Именно так суждено строить Россию! Нам другие архитекторы не нужны». — Молодой человек, оставьте,

кх-кх, письма в адрес Центрального банка и ваши реквизиты, чтобы не беспокоить господина Трирогова. Я всеми силами, а главное — без каких-либо комиссионных постараюсь помочь вашему законному делу. Теперь тороплюсь, совещание. Удачи вам! Прощайте!

Они расстались.

От офиса до ресторана столоначальник, уже в гражданской одежде, шел со своим водителем Митькой Кондрюшкиным. Дорога заняла минут десять, и все это время чиновник безостановочно говорил, изредка останавливаясь и спрашивая: «Ну, ты, дурень, понял, а?»

Господин Сапега тайно брал уроки у одного известного стилиста. Он мечтал выглядеть аристократом, что весьма актуально в нынешней Москве. Но были у него и другие, скрытые причины. Деньгам, связям, имуществу в столице больше не удивлялись.

От красоток, вьющихся вокруг сильных мира сего, зевали. 2004-й год требовал от московской элиты утонченности манер и стиля. А Петр Петрович шел в ногу со временем. Он давно служил государству, поэтому успел накопить приличный капитал, позволивший воспитать в себе вкус к изысканным блюдам, светским манерам, модным платьям и аристократической чопорности. Впрочем, тут необходимо отметить, что изящество и рафинированность господина Сапеги в образе жизни роднили его с мировым элитным классом. С богачами, чей ежегодный доход превышал десятки миллионов долларов. И сходство это все более усиливалось. Например, столичный чиновник никогда не позволял себе есть мидии, пищу среднего класса. Он предпочитал устрицы, но не всякие, а только из Северной Атлантики, и не без выбора, а лишь номера 00 00. В последнее время он никогда, ни при каких обстоятельствах не притронулся бы к окуню, треске или форели, а выбрал бы до-

радо, сибас или раннюю тюрбо, и то не всякую, а лишь восьмимесячную, чтобы в ней было не больше и не меньше трехсот пятидесяти грамм. В обеденный перерыв он пил вино только от трехсот долларов. Такие известные марки, как «О'Батайе», «Клер-Милон», «Лафон-Роше», «Лаффит-Каркасе». За ужином он заказывал вино от тысячи долларов за бутылку. Это были уже мировые бренды: «Гран-Пюи-Лакост», «Пишон-Лонгвиль-Комтесс-де-Лаланд» или «Кос д'Эстурнель». Если же он получал вино в подарок или его угощали, спрашивая, чему он возрадуется, то он называл значительные имена: «Петрюсь», «Лафит-Ротшильд» или «Латур» по пять тысяч долларов за бутылку. Его ногти, покрытые бесцветным лаком, были шедевром профессоров маникюрных дел. Его речь ставилась академиками телевидения. А его искусство молчания шлифовалось хранителями банковских тайн. Одет он был всегда безупречно, из самых дорогих бутиков, от известнейших домов высо-

кой моды. Но была у него и своя национальная особенность: с родственниками он скромничал в затратах. Посещая старушку-мать, живущую на пенсию в тысячу рублей в месяц в обветшалой квартирке, он всегда покупал ей кусок колбасы, пару бутылок кефира и батон хлеба. Но нес не сам: сзади шел с простецкими гостинцами помощник. Купить чего-то другого? Откуда деньги? Зарплата Сапеги до бесстыдства мала! Ужас, какой мизер! Для старых друзей он был стеснен в средствах. Приносил с собой пару бутылок пива, дешевую водку, одно яблоко. Потом совсем перестал встречаться: время на общение жалко тратить, и расход денег совершенно неуместен. Но главное — стеснялся их положения! Столкнувшись с некогда любимой женщиной, ныне влачащей жалкое существование, он проходил мимо. Не замечал! В последние годы у Петра Петровича были две главнейшие привязанности. Первая — стол! Полезные люди. Чисто деловые связи. Наживные дела! Вторая —

философия жизни: брать со всех и все! Всегда и везде! Лозунг: «Если он мне, то я ему. Но он должен всегда больше». Стиль поведения — шикерия! Стержень «я» — двуличие! Другой мечты, кроме как стать богатым аристократом, у него не было.

Аркадий Львович вошел в ресторан «Ностальгия». Это был один из лучших ресторанов Покровки. Здесь застольничали известные в столице тусовщики: обилие морепродуктов, богатый выбор французских вин, широкий ассортимент итальянских десертов, отменное европейское обслуживание притягивали сюда богатых клиентов. Господин Сапега уже сидел за столом. Он был без мундира. Худенький, лысый, с острым подбородком, гладко выбритым, бледным лицом, чем-то похожий на графа Петра Александровича Строганова, находившегося при императоре Александре Первом во французском походе. Надо сказать, что господин Сапега выбрал графа как пример для подражания совсем не случайно. Как-то раз

один из приятелей рассказал, что давеча был в Новом Иерусалиме и на стене местной галереи видел его, Петра Петровича, портрет, написанный маслом. «Как так?» — спросил тогда изумленный господин Сапега. «Шутка! — признался приятель, увидев полную растерянность собеседника. — То был граф Строганов. Но очень уж на тебя похож, не родственник ли?» После этого случая крупный чиновник фискального ведомства начал изыскивать возможность тайно от всех посетить Новый Иерусалим. Когда он увидел портрет графа, то впервые в жизни был по-настоящему поражен. «Какое необыкновенное сходство! Действительно, не прапрадед ли мой? Может, кто подшутил? Нет, краска, вроде, старая. Рама тоже!» — размышлял он в болезненных сомнениях. Несколько озадаченный, федеральный чиновник подошел к старушке-смотрительнице с вопросом: «Давно ли этот портрет графа Строганова у вас?» — «Сколько себя помню, — ответила ветеран галереи. — А вы, прошу

прощения, случаем, не родня графу нашему? Очень уж похожи. Вылитый Петр Александрович!» Этот симпатичный эпизод еще более убедил Петра Петровича закрепить в собственной жизни привлекательную идею аристократической родословной. Он дал поручение своим помощникам искать кровные связи с графским родом Строгановых. Но дальше деда Сапеги, родившегося на Орловщине, некогда Киевской губернии, исследователи никак не смогли продвинуться. По материнской линии поиск заканчивался на Вологодчине, в городке Вельск. Спуститься на колено ниже оказалось невозможным. Архивы затерялись в истории. «Может, какая-нибудь внебрачная ветвь рода Строгановых?» — подумалось ему. И задумал Петр Петрович в своем доме в одинцовских Раздорах для демонстрации родословной портреты развесить: графа Петра Строганова и генерал-лейтенанта фискального ведомства Петра Сапеги. В мундирах, при орденах. «Надо просить лучшего портретиста России

такую важную миссию выполнить», — подумал он. Но с Александром Максовым он не был знаком. Ходы к нему были нелегкими: он искал их несколько месяцев. Только участие в его хлопотном деле одного из членов правительства, ответственного за деятельность художников, впрочем, и других творческих личностей федерального уровня, спасло идею. С большим трудом уговорили художника взяться за труд. Но мастер категорически отказался рисовать Строганова с литографии. Пришлось господину Сапеге позировать портретисту и за себя, и за Петра Александровича из свиты императора. Теперь две картины замечательного мастера красовались друг против друга в зале приемов загородного дома фискального столоначальника. И каждый раз при их осмотре гости вскидывали руки со словами: «Боже мой, какое сходство представителей великих родов России! Как будто не прошло двухсот лет!» Такие оценки деловых приятелей радовали слух Петра Петровича. И ему

хотелось изысканными манерами доказать свое аристократическое происхождение.

— Уже больше пяти минут жду вас, — недовольно бросил Петр Петрович.

— Прошу прощения! Совещания замучили, — устроился рядом господин Дульчиков.

— Есть что-то новое, важное?

— Много всего. Разрешите доложить?

— Слушаю! — Господин Сапега подозвал официанта, заказал коньяк «Парадиз», раскурил сигару, осмотрел полупустой зал, взглянул на своего коллегу Дульчикова и застыл во внимании.

Аркадий Львович перед началом разговора подвинул по столу ближе к собеседнику конверт и шепотом сказал:

— Прошу принять дружеский новогодний презент!

Потом, тем же тоном, продолжил повествование. Вначале он поинтересовался по-

ложением в ведомстве господина Жаслупина. Его вертикальными связями. Кто именно стоит за ним. Но в основном говорил о визите Махахорина, о наметившемся с ним бизнесе по снятию акцизов на драгоценные металлы, об опасностях, которые, как он интуитивно чувствовал, исходили от этого человека. Столоначальник просил Петра Сапегу обеспечить его стол прикрытием. За любезность предоставить зонт министра он обещал ежеквартально шестьдесят тысяч долларов. Господин Дульчиков понимал, что один Петр Петрович ничего полезного не сможет сделать. Но в хоре, вместе с головами других высших сановников любые словечки у нужного уха могут упрочить положение.

«В ведомстве семьдесят три отдела. Если с каждого похожая сумма четыре раза в год летит в его карман? Соблазнительный капитал наращивается, а? Недурно! А собственный бизнес Петра Петровича? Он же крышует несколько отраслей! — размышлял

в этот момент Аркадий Дульчиков. — Да что мне до этого? Себя оберегать надо! Остальное не интересно! Мой стол — вот ключевые слова! Защищая стол, я оберегаю собственную жизнь! Именно за стол я буду платить всем российским вельможам крутые суммы. Вокруг него создавать круговую оборону. Знаю, что голос у Сапеги писклявый! Но и своим писком он будет отстаивать мой стол, а?»

Партнеры наговорились, отобедали, согласовали совместные действия. Выпили. Следующая встреча у Петра Петровича была назначена на четырнадцать часов. Аркадий Львович засеменял на выход. Потомственный псевдоаристократ господин Сапега подумал: «Ну и прохвост этот генерал! Столько всего напросил за двадцать тысяч долларов в месяц! Нахал! Жмот! Что это за деньги? Если с акцизами получится, подбросит еще пятьдесят тысяч. Но никак не больше. Неужели за эти гроши его стоит оберегать? Сейчас совсем другое время! В

двухтысячном, в две тысячи первом и втором я бы пошел на это. Но в две тысячи четвертом — шагу не сделаю. Подождем Махачорина: какое он предложение сделает? Других претендентов дожидаться стану. Алчущие столов сами отыщутся. Найдется деловой народ! Стол даст любому приличный капитал. Ведь без моего участия с Дульчиковым не справиться. Не снять генерала! К этому выгодному делу надо Недовялкина из Администрации привлечь. Он толк в таких сюжетах как никто другой понимает. Истинный бюрократ сейчас же слух распространил бы, будто кресло Аркадия Львовича зашаталось, заскрипел стол его под натиском конкурентов, замахнулись на него сильные люди! Пару богатых фамилий назвать. Тогда ставки быстро поползут вверх. Да сам как миленький с деньгами прибежит! Начнет предлагать их на каждом шагу. Нетронутые пачки. С милейшим запахом долларовой краски. Именно так надо поступать! Не иначе! Чего мне церемониться? Дульчиков,

Мульчиков, Тульчиков, Бульчиков. Какая разница? Платить будет каждый!»

После этих приятных размышлений Петр Петрович Сапега опять удобно устроился за столом ресторана «Ностальгия», приняв весьма аристократический вид: голова сидела неподвижно, торс был непреклонен в своей прямоте, томные глаза лениво уставились в журнал «Интерьер». Вольноназванный потомок графов Строгановых медленно, пожалуй, даже устало, задымил сигарой и с задумчивым видом стал ждать следующего генерала своего ведомства.

Аркадий Львович с черного хода быстро вошел в кабинет. Интуиция подсказывала ему, что господин Сапега хоть и значится его приятелем, но большие надежды возлагать на него никак не следует. «Поэтому плачу ему немного. Тоже мне, крупная птица: начальник канцелярии Министерства, — стал размышлять господин Дуль-

чиков. — Тьфу! Мне легче его снять, чем ему меня защитить. Но всему свое время! Разница между нами огромная: он чиновник, я бюрократ. У нас совершенно разный бизнес. Ему надо сказать «да!» — и он заработал. Мне требуется настойчиво заявлять «нет», и я получу доход! Казалось бы, всего одно слово. Но какая огромная разница в оплате труда! В нажитом капитале. Он сам ничего не визирует, а лишь носит по важным кабинетам на подписи. Я сам документы подписываю. Поэтому у меня кухня значительно больше. Масштабы другие, а? Клиентура богаче. Что мне этот аристократ из старинного русского рода? Тьфу! Надо через свои связи до ушей министра донести, что начальник канцелярии собирает на него компромат, чтобы передать досье в кабинет министров. Как, а? Круто! Тут под столом Петра Петровича огонек возникнет, быстро перерастающий в пламя, в пожар. Забегает чиновник. Телефоны оборвет! Ко мне постучится. Ока-

жу ему помощь, но не бесплатно. Обещанные ежеквартально шестьдесят тысяч долларов обязательно сниму. Как лишают зарплаты, как отбирают столы. Как же иначе? А? Пусть свои карманы за счет других столов пополняет. Их у нас много!» — успокоил себя государственный советник третьего ранга.

Он вошел в туалетную комнату, провел по бровям ваткой с репейным маслом, припудрил на шее неизвестного происхождения синячок, затушевал специальной английской пудрой редкие, бесцветные волосы, взглянул на себя в зеркало, сузил глаза, повесил на воротничок щеки, надел ведомственный китель, вошел в кабинет и занял высокое служебное кресло за начальствующим столом. Тут он восторженно взглянул на портрет главы государства, взял трубку прямой связи и обычным, приказным тоном бросил:

— Любаш, пусть входит господин Трещалов.

Опять развернул газету с сообщением об аресте X-кого, бросил ее на стол посетителей: пусть все просящие вздрагивают от ужаса при напоминании о принципиальности власти.

В кабинет вошел коротко постриженный невысокий крепыш лет тридцати. Одет он был в спортивный костюм синего цвета. С бежевым шарфом вокруг шеи. Вместо зимней обуви на нем были легкие кроссовки. В руках он держал эспандер, который то и дело сжимал. За ним следовал тигровый бультерьер: мускулистый, с широкой грудью, низкими ногами, с акульим прикусом и крупным крысиным хвостом.

— Слушай, мужик, а тебя долго пришлось ждать! — начал посетитель раскатистым голосом. — Если бы знал, то зашел бы после жратвы. Из-за тебя желудок у меня пустой. Пса обозлил. За эти неудобства ему очень хочется ползадницы у тебя оттяпать.

У меня самого кулаки чешутся твою рожу помять. Скверно встречаешь! Я же тебе не перхоть с пиджака ментовского! Не перо с птичьего рынка! Я — представитель вороньевской команды. Понял, чинуша? Нас обязаны не только в твоём офисе уважать, но и на этажах куда более высоких. — В этот момент господин Трещалов отложил свой эспандер, взял со стола чиновника ножницы, разрезал пополам газету, совершенно не обращая внимания на заметку о X-ком, и стал нарезать кусочки бумаги, похожие на звездочки. Потом, как бы думая о чём-то своём, потер нос, и на его кисти растерянный столоничальник заметил татуировку: «Бью наповал!»

Генерал опешил. Он совершенно не ожидал такого беспардонного хамства. Его просили принять Трещалова. Предупреждали, что этот тип представляет одну из амбициозных столичных группировок. Но такие манеры! Лексикон! Такой чудовищный вызов! К этому Дульчиков совершенно не был

готов. Ему захотелось тут же выставить посетителя. Вызвать охрану. Позвать знакомых из ФСБ, милиции. «Он что, пришел меня оскорблять? А? — возмущался Аркадий Львович. — Собакой запугивает? Страшит в клочья порвать, недоносок уличный! Да я его самого в вечную мерзлоту утрамбую, чтобы тело это мускулистое стало мороженым на десерт рососохам! А из бульетьера мыло сварю». В своем возмущенном сознании он находил и другие, еще более изощренные формы мщениа обидчику. Но постепенно боевой пыл Аркадия Львовича остывал. Он начинал управлять своими мыслями и поступками. «Чтобы этот инцидент ни в коем случае в ведомственный скандал не перерос! А то лично свой стол под угрозу поставлю, а? Насмешки в офисе вызову. Нет, лучше быстрее с этим типом попрощаться», — думал он.

— Что вы, милейший! Я только прибыл. Совещание, кх-кх, по итогам года, — растерянно произнес господин Дульчиков.

— Не называй меня «милейший»! Я тебе не гей, понял?

— Как изволите вас величать?

— Ты имеешь в виду, как мое имя? Называй меня просто: бешеный кран!

— Как, простите? Башенный кран?

— Нет же! Как слышал: бешеный кран. Понял?

— Чем могу служить? Какая помощь нужна? — Аркадий Львович явно не желал повторять это экзотическое имя. «Его надо быстрее выставить. Удержись, голубчик, от возможного дебоша», — настойчиво замелькало у него в голове.

— А тебе что, Заноза ничего не говорил? Врешь, все сказал!

— Запомятовал, старый стал. Напомните, о чем, кх-кх, речь шла?

— Что, нашу просьбу забыл? Как это, дурень? Если ты в кителе, то думаешь, я из тебя мозги не вытрясу? Так измордую, что на свиновую тушу будешь смахивать! Понял? Сразу все вспомнишь! Такого еще не было, чтобы наши

просьбы забывались. Бери письмо и ставь подпись. Там все указано. Но не спрашивай, что там написано. Сам читай! Ты что, думаешь, я знаю, о чем в нем идет речь? Дурень! Жду три минуты. Потом начинаю бить рожу, как повара бьют отбивную перед прожаркой. Понял?

Генерал Дульчиков судорожно просмотрел бумагу. В ней говорилось о возвращении НДС за экспорт водочной продукции. Общая сумма возврата составляла двести тридцать миллионов рублей.

— Таможенная декларация на вывоз вашей продукции есть? Какие у вас вообще документы имеются? — осторожно, почти шепотом спросил потрясенный чиновник.

— Какая декларация? Ты что, спятил?

Пес мгновенно среагировал на резкий тон хозяина: его глубоко посаженные черные глазки злобно уставились на господина Дульчикова, короткий, сильный корпус замер в ожидании команды, мощная челюсть чуть приоткрылась, крупные лапы напряглись.

«Пес сейчас на меня кинется, — пятясь назад, испуганно думал генерал. — Но без декларации сделать ничего нельзя. Через какую границу прошел товар? Есть отметка таможни? Эта мерзкая тварь и ее хозяин способны на самый зверский поступок! Что же предпринять? Не кричать же “караул”! Поставить подпись? Отослать его дальше по инстанциям? Но они опять ко мне прибегут. Как тут поможешь? В будущем никогда больше не дам согласия на встречу с такими типами. Хоть прыгай из окна на Маросейку!» — задыхался от жуткого волнения Аркадий Львович.

— Осталось меньше двух минут, — мрачно бросил Трещалов. — Тобой займется пес. Он обучен рвать погоны и откусывать носы. Если знаком с российским законодательством, то должен знать: владелец собаки не несет никакой ответственности за нанесенные увечья. Максимум штраф! Приносят оплатить уколы от бешенства. Заставят подкинуть лекарям. Но тебя пес порвет!

Ключья разлетятся по всему зданию. — Тут господин Трещалов запустил свои бумажные звездочки в столоначальника. И рассмеялся. Просто и долго, как смеются дети. Черная пуговка носа тигрового бультерьера слегка задрожала. Животное готово было броситься на Аркадия Львовича.

Глубокое болезненное сожаление вызвала у господина Дульчикова история, в которую он столь опрометчиво вляпался. Он жутко негодовал на себя, на окружающий его мир. «Только в России такое хамство возможно, — в переживаниях размышлял он. — Почему я должен нарушать закон из-за боязни, что меня порвет бультерьер? Я, генерал новой России, в собственном кабинете опасаюсь пса? Боюсь быть покусанным, разодранным на куски? Быть осмеянным руководящим персоналом ведомства, где с усердием служу! Даже низшие чины будут злопыхать: “Хе-хе, Дульчикова пес покусал. Отказался вернуть НДС по экспорту. Так даже собака возмутилась, не выдер-

жала коварства чиновника!” Именно такая легенда разлетится по кабинетам. А? В один миг еще виноватым стану! А как вернуть НДС, если документов нет? Был экспорт или не было экспорта? Неизвестно. Как доказать, если бумаг нет? А почти триста миллионов рублей из бюджета выложи! В И-кой области долги государственным служащим уже шесть миллионов долларов составляют. Четыре месяца зарплату не платят. Люди за свет не могут рассчитаться! В квартирах темно. Свечи горят, как во времена империи. Муниципальные советы должность факельщика вводят. Чтобы здания государственной власти освещать. В К-кой области долг бюджетникам составляет девять миллионов долларов. У людей денег нет, чтобы отопление оплачивать. В валенках и шубах спят! А тут десять миллионов долларов этому людоеду поднеси. Отдай! Подпиши, чтобы по мифическому НДСу рассчитались, и забудь дело! Без личного интереса! Без участия в распределении до-

хода! Если бы они хоть делились! Сказали бы, как положено в этом бизнесе: тридцать процентов ваши, уважаемый генерал, с другими столами мы сами разберемся. Тогда никто не возражал бы. Трехминутный ультиматум не потребовался бы. Каждый взял бы свое законное. Тогда забыть друг друга не грешно. Сделал дело — гуляй сам по себе! А что у меня теперь в кабинете? Террор! Государственного чиновника Дульчикова атакует криминальная группа: людоед с человеческим лицом и бультерьер с обостренным инстинктом живодера. Разве такое возможно за бугром? В Германии, Франции, Америке? Чтобы криминал наезжал на чиновника? В его ведомстве? Над которым водружен национальный флаг? Чья бронзовая табличка сверкает до кремлевских окон? В какое-то пещерное время мы живем. За бугром они должны знать: тяжело нам. В невыносимых условиях существуем! Боремся за себя! Но что же мне делать с бумагой Трещалова? Подпишу! Имея такие планы с

Подхолзуиным, Махахориным, Сантапукиным, к чему мне за десять миллионов долларов своим столом рисковать? Собственное здоровье под сомнение ставить, а? Тьфу! Подпишу-ка я! Но с крученой резолюцией. С тайным смыслом. Чтобы прозрели господа. Может, еще придут поделиться». Государственный советник третьего ранга подошел к столу, взял «Паркер» с золотым пером и написал на фирменном бланке своего свирепого требователя:

«Согласно закону, при экспорте российской продукции НДС подлежит возврату. Если экспортер обратится за возмещением налога на добавленную стоимость, то необходимо соблюсти закон и
ВЫПЛАТИТЬ НДС».

В конце резолюции он поставил свою замысловатую подпись.

Весь текст был написан мелким убористым почерком, а слова «выплатить НДС»

господин Дульчиков намеренно написал заглавными буквами в одну строку. «Теперь пусть контролеры и людоеды попробуют до меня докопаться, — удовлетворенно подумал Аркадий Львович. — Подставил отдел возмещения. Как же иначе, а? Такова формула выживания. Бюрократ ты, коммерсант, ученый или таксист. О себе не думаешь — погибнешь! Теперь пусть они кумекают, как быть, когда под носом кулак с татуировкой «Бью наповал!» и зверь с пастью, как у крокодила. Одним легким движением все проблемы сброшены на чужие столы. Кстати, начальник там тоже полное дерьмо. Что мне думать о прочности его положения? Его стол, пусть сам защищает».

Успокоившись, что найдено идеальное решение, господин Дульчиков несколько прибодрился, взял со стола бумагу и протянул ее Трещалову.

— Теперь ничто не мешает вам получить возвратные деньги. Но прошу вас, уберегите от меня собаку. Побаиваюсь за свой

китель, — сказал Аркадий Львович уважительным тоном.

— Что китель, руку потерять можешь, а то и голову или стол, — несколько смягчившись, но еще довольно сердито бросил Трещалов. Он взял бумагу, прочитал резолюцию, покосился на чиновника и продолжил: — Не гнушайся дружбой с нашей группой. Если такой неприветливый случай, как сегодня, повторится, то плохо твое дело. Капут! Знаешь, почему нас вороньей командой называют? — Он продолжал нарезать свои бумажные звездочки.

— Извините, нет-с! — с опаской в голосе произнес столоначальник. «Я действительно не знаю, почему», — подумал он.

— У нас вороны на службе. Не простые птицы — выученные. Впрочем, не только крылатые. Много всякого зверья. Они наши поручения выполняют. Без дискуссий, без сопротивления. Надо, например, Дульчикова заставить бумагу подписать. Или Пупсикова деньги по обязательствам платить. За-

чем мне собственные кулаки пачкать? Для этого у нас и летучие, и ползучие, и кусачие. От них никуда не спрятаться. В щель пролезут, в скважину проползут, в форточку влетят, автомобиль перевернут. Ты понял, чинуша? Не пытайся от нас прятаться. Дурить наших простодушных парней. Мы никого не прощаем. Одна команда: фас! Ты понял? Ну, я пошел. Нас всегда следует бояться. Даже когда полезное дело делаешь. Запомни это! — Тут господин Трещалов бросил в лицо Аркадию Львовичу газетные обрезки, громко хмыкнул и вышел со своим псом из кабинета.

«Пронесло, а? — с облегчением подумал чиновник. — Надо Митьке поручение дать, чтобы стаффордшира приобрел. Я его в кабинете держать стану. Под столом. Или за портьерой. В апартаментах. Сумасшедшая драка в защиту хозяина доставит ему истинное наслаждение. А может, россомуху? Ее приручить трудно, но этого трещаловского бультерьера она порвала бы в кло-

чья. Что-то надо делать. Позор! Генерала российской фискальной службы в заложниках держать, угрожать боевой собакой в его собственном кабинете, в главном офисе на Маросейке! Это же развал государства! “Он обучен рвать погоны и откусывать носы”, — вспоминалась ему угроза Трещалова. — Это что, бультерьер становится законным представителем суда офицерской чести? Конституционной Фемиды? На то у тебя голова, голубчик Дульчиков: надо организовать работу так, чтобы исключить унижительные эпизоды из собственной жизни». Успокаивая себя, Аркадий Петрович прошелся по кабинету, подошел к холодильнику, вытащил из него бутылку водки «Большой», налил себе в стакан около ста граммов и залпом выпил. Тут он потряс головой, как бы избавляясь от наваждений, и, надкусив моченое яблоко, пришел в себя. Его лицо вмиг подобрело, налилось розовым цветом, и он опять стал уверенно шагать по ведомственной площади.

Вдруг совершенно другие мысли заставили его остановиться. «В адрес коллегии Министерства необходимо подготовить проект по увеличению в 2004-м году поступлений в госбюджет. Нельзя же на службе лишь своими делами заниматься, а? На носу конец года. Скоро отчетное собрание. Надо, чтобы о генерале Дульчикове говорили как об инициативном чиновнике. Но не захваливали бы! Чтобы не нарекли реформатором. А то предложат более высокий стол. А там никакой выгоды не окажется. Такая история меня вовсе не интересует. Уж лучше за своим столом быть новатором собственного кармана, иногда вспоминая о государственном бюджете. Вот, например, ввести налог на боевых собак и поединки пернатых. Или на сто процентов увеличить налог на автомобили класса люкс и одежду стоимостью выше тысячи долларов. Можно поднять налог на дорогую обувь, изделия из драгоценных камней, академические знания. А почему остались в тени степень доктора

наук и звание академика? Пора ввести налог на интеллект! Если в Англии окна и печные трубы облагались королевскими поборами, то почему русским не ввести налог на принадлежность к науке? Уж так много этих умников вокруг нас, а? Пришло время научить свиней и псов вести поиск денег и драгоценностей у поп-элиты: переворовать дома и участки эстрадных звезд, обнюхать карманы и чемоданы сенаторов, депутатов, ведущих ток-шоу. Кто-кто, а они деньги буквально лопатами гребут! А, я забыл красоток! Они тоже должны платить! Все пишут, что красота — это достояние! Но у нас в стране за нажитый капитал каждый платит налог. Почему же красоток не пристегнуть к бюджету? Им легче всего рассчитываться с фискалами. У них огромный спонсорский ресурс. И мне польза! Попробуй, обмани Россию! Дульчиков тут как тут, а? Сколько романтических историй ожидает меня! Каждый позавидует... Кроме, конечно, Кузякина и его друзей. А уверен ли я сам, что

меня в ближайшее время к *этим* не причислят?»

Такого рода оригинальные размышления лезли в голову Аркадию Дульчикову, застывшему сейчас у окна на Маросейку.

Представитель банка «Аллегро» ждал господина Трещалова в приемной, где хозяйничала Попышева. Он прекрасно знал, с кем ему предстояло встретиться. Но Влада Семенюру ничего в этом мире не смущало. Он всегда ставил перед собой лишь один вопрос: имеет ли какой-то коммерческий смысл общение с человеком, или никакого интереса в этом нет. Если он видел резон в переговорах, то сокрушал стены и весьма успешно навязывал собеседнику свой доходный сервис. Не обращая никакого внимания на бультерьера, он без обиняков обратился к вышедшему из кабинета Трещалову:

— Влад Семенюра, банк «Аллегро». Давно мечтал иметь с вами дело! Человек с та-

кими связями и умом очень интересуется наш банк. Что самое главное и для вас приятное, знакомство наше не бесплатное. Вот вам приглашение на открытие нового элитного клуба «Цезарь». Окажите честь, приходите с супругой или знакомой дамой на прекрасный вечер! Вы не шокируете публику, если придете с другом. Ресторан, сауна, массаж на любой вкус, танец живота, персональное эротическое шоу — все к вашим услугам.

— Что тебе от меня нужно? — Трещалов остановился, забрал билет и продолжил: — Дай мне еще пару билетиков. Кто вас крышует?

— Пожалуйста, узнайте у вашего руководства. Например, спросите господина Пентюрину. Но помните, нынче банки крыши не имеют. Ведь многие клиенты «Аллегро» являются вашими профессиональными коллегами. Тут без тотальной войны не обойтись... О чем вы спросили — было когда-то раньше. Пожалуйста, возьмите билет для Пентюрина и для вашего приятеля, — молодой человек протянул ему два пригласительных.

— В чем твой интерес?

— Господин Трещалов! Можно по-разному зарабатывать деньги. Один — шулер, другой — предприниматель, третий — финансист, чиновник, бандит, спортсмен, артист. Но деньги хранятся лишь в банке. Еще лучше — в банке «Аллегро». Любое другое место им противопоказано. Как туберкулезнику требуется сухой теплый воздух, так и ассигнациям, тем более в большом количестве, нужны банковские подвалы и сейфы. Ведь наша жизнь полна неожиданностей! Вдруг на квартире ночью обыск? Тогда ваш капитал — тю-тю! Или в гости без приглашения зашли иногородние бандиты. Как бы основательно вы деньги ни спрятали, они все равно их отыщут. Через пытки, но найдут деньги. Нужен ли такой риск? Риск не только потерять капитал: в опасности оказываются все члены семьи! А у нас отличные предложения. Анонимные счета. Индивидуальное обслуживание. Никакой тревоги, получаете приличные проценты и спо-

койно спите: хоть в собственной квартире, хоть в казенной тюрьме. Деньги любят тишину и покой. Именно эти условия мы предлагаем умным людям. Вот вам моя визитка. Звоните. Мой телефон включен двадцать четыре часа в сутки. Я еще успею рассказать вам обо всех прелестях нашего банковского обслуживания. Уверен, убежден: мое предложение вас очень заинтересует.

Когда они прощались, молодой человек заметил, что на лице Трещалова появилась едва заметная улыбка. А когда он протянул Семенюре руку и бросил: «Увидимся на вечере в “Цезаре”!» — представитель банка подумал: «Наивный парень! В нем столько детского или лоховского, что в который раз убеждаешься: столица — превосходная площадка для бизнеса!»

После своих новаторских раздумий генерал Дульчиков пришел в себя и устроился в кресле за столом. От газеты с заметкой об аре-

сте X-кого осталось лишь полполосы. На полу валялись обрывки творчества господина Трещалова. Генерал поднял трубку прямой связи со своей приемной и отрывисто бросил:

— Зайди!

Попышева тут же оказалась в кабинете. Лишь глазами он показал ей на беспорядок. Секретарь все поняла и принялась за уборку.

— Пусть Клещивцев заходит, — сказал чиновник. — Но впускай его без пса или любой другой твари. Чтобы таких историй, как с Трещаловым, у нас больше никогда не было. В мой кабинет с бультерьером! Скандал! Набери на компьютере: «С животными и птицами вход к начальнику категорически запрещен!» Эту табличку установишь у входа в мой кабинет. Немедленно! Поняла?

Пока секретарь наводила порядок, в голове Аркадия Львовича возникли соображения, связанные с предстоящим визитом Клещивцева. «Это сын руководителя городского пожарного ведомства. Нужный чело-

век в нашей работе, — размышлял Дульчиков. — Лучший способ закрыть дело о нарушениях российского законодательства — если пепелище вместо архива обнаружить. Да, пожар нынче многими востребован, а? Ведь пламя уничтожает не только имущество, но и улики! Необходимо помочь молодому человеку с трудоустройством. Но куда его? В какой департамент? В охрану? А может, к себе в отдел, а? Совсем неплохо! Вместо того чтобы упрашивать по каждому случаю главного пожарного, делиться с ним приличным гонораром, не лучше ли его сыну такие поручения давать? Дела будут делаться быстрее, но главное — цена вопроса упадет. Тариф в подвал скатится, а? Мне же дешевле станет!»

— Ну что, Любаш, готово? Приглашай Клещивцева!

В кабинет вошел молодой человек лет двадцати пяти. Высокий, полный, с круглым

лицом, отвислым подбородком и утомленным взглядом заплывших карих глаз. В руках он лениво держал какие-то бумаги.

— Так-с. Присаживайтесь. Как ваш батюшка? Здоров? Я буквально вчера с ним общался. Умнейший человек! Гордость российского, кх-кх, пожарного дела! Искренне хочу вам помочь. Где изволите начать трудовую жизнь? Карьера какого эксперта вас интересует? — А сам подумал: «Ну и битюг! С таким сыном можно повеситься. Совершенно никчемная глыба!»

— Куда папенька определит, там и начну. Зачем самому-то голову ломать? Лучше, чем он, не придумаю. Нынче многие папеньку просят, чтобы он меня к ним пристроил. Так что работы вокруг много.

— Согласен, молодой человек, способным людям работу найти несложно. Какое у вас образование? Где учились?

— У меня много разных дипломов. Какой вам нужен? — господин Клещивцев говорил медленно и нудно. — Авиационный

инженер подойдет? Или агроном, технолог мясной промышленности, спиртовик, учитель физкультуры, экономист... Пока я никак не пойму: что вам, собственно, от меня нужно?

«Видно, каждый столичный институт сыну главного пожарника диплом выдавал. Что ж, тоже бизнес. Надо же от этих пиявок чем-то откупаться! Понимаю, дешевле всего — дипломами. Но что же он знает?» — раздумывал Аркадий Львович.

— Я потому вас спрашиваю, что хочу понять: какая работа близка вашему сердцу?

— Вы папеньку спросите.

— Обязательно задам этот вопрос! Но он тоже меня может спросить: а что сын сам-то хочет? Что же мне ему ответить, если...

— Дайте мне стол. Большой и красивый, как у папеньки. С ящичками, полочками и сейфом, чтобы подарки складывать. Есть у вас такой?

«Придется купить, — решил Дульчиков. — Но этот увалень меня уже достал.

Если он таким же образом мои поручения будет выполнять, то на кой черт он мне сдался?»

— Молодой человек! Чтобы достичь высокого положения вашего отца, генерала получить, иногда необходимо поработать. Я запомнил, что у вас имеется диплом экономиста. Вы баланс сможете прочесть? Понять?

— Дяденька, что же вы меня о таких глупостях спрашиваете? В первом классе я читать научился. И балансы, и сказки, и басни — все читать умею. Вот, даже строки одного баланса помню: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали...»

«Тяжелый случай, он баллады с балансами спутал. Не страшно, обучим мы его этому ремеслу», — подумал Аркадий Львович. Столоначальник открыто усмехнулся, встал, подошел к молодому Клещивцеву, похлопал его по плечу и сказал:

— Вы талантливый выпускник столичного вуза. Пишите заявление. С понедель-

ника выходите на работу. Получите майорскую должность и стол с большим количеством ящичков. А через полгода выдадут форму с погонами майора. Если четко будете выполнять мои требования, то через год-два получите полковника. А там и звание генерала высветится! Как, устраивает? Есть другие пожелания, а? — А сам подумал: «Тебе не форму, а кнута надо бы длинного!»

— А уже в понедельник в форме майора нельзя на работу явиться?

— С твоим отцом посоветоваться надобно. А что это за бумаги у тебя в руках?

— Копии дипломов.

— Выбери диплом экономиста и вместе с заявлением о приеме на работу оставь у моего секретаря.

— Тогда я пошел?

— Иди!

В этот момент раздался телефонный звонок. Глухим голосом секретарь сказала:

— На проводе Подхолюзин.

— Слушаю вас, ваше превосходительство!

— Что нового в Баргузинске?

— Предприятие чистое. Ни одного нарушения. Трудно представить, кто написал донос. Дал команду, чтобы комиссия возвращалась. Там ей совершенно нечего делать! — А сам подумал: «Расскажи, как у тебя дела с Сантапукиным. Есть ли крыша в кабинете министров?»

— У меня состоялся разговор с известным лицом. Все очень хорошо. Список, о котором я говорил, тебе подвезет мой помощник. Начинать работать. Но не минуту в день, а по-настоящему. Хочу видеть результаты. Ты, надеюсь, все понял?

— Значит, известное лицо одобрило наш план? Могу рассчитывать на преференции?

— Все в порядке. Меньше болтай. Пока!
— Голос Подхолюзина исчез.

«Сегодня вторник, двадцать третье декабря 2003-го года. Именно с этого дня у меня начинается новая жизнь. Это число надо запомнить. Впервые в своей карьере я

получил крышу не кого-нибудь, а самого Сантапукина, а? Весь наступающий 2004-й год буду служить под зонтом кабинета министров. Лихо! Браво! Ну, минимум полгода у меня есть. Двадцать-тридцать миллионов можно заработать, а? Нет, назначу я себе полугодовой план: пятьдесят миллионов долларов! И не смоюсь за бугор, пока эти деньги не заработаю. К концу мая будет окончательно сформирован новый кабинет министров. Чтобы добраться до моего стола, им еще пару месяцев понадобится. Так что время и связи для выполнения плана есть! Но у Сантапукина прекрасные шансы остаться в правительстве. Одним словом, поживем — увидим!»

— Влад Семенюра, банк «Аллегро», — представился молодой человек будущему майору Клещивцеву. — Давно мечтал иметь с вами дело! Человек с такими связями и умом чрезвычайно интересуется наш банк.

Что самое приятное, знакомство с нами приносит людям приличный доход. Примите, пожалуйста, приглашенный билет на праздник пива на Арбате. Наши гости пьют пиво бесплатно и в любом количестве. Кстати, если вы дадите слово, что ваш папочка откроет в нашем банке счет городского пожарного ведомства, то вот, получите первую тысячу долларов.

— Тысячу долларов?

— Да! Целую тысячу долларов!

— Что — в час, в сутки? — недоуменно произнес молодой Клещивцев.

— Как же в сутки? — приветливо удивился Семенюра. — Это аванс на будущее сотрудничество. Одна тысяча долларов за открытие счета — разве это не приличный заработок?

— Такие деньги меня не интересуют, — лениво выдавил из себя отпрыск пожарного. — Меньше чем о тридцати тысячах долларов я вообще не разговариваю. Аванс, баланс... Меня уже сегодня генерал спрашивал.

— Что же вы можете предложить банку за тридцать тысяч долларов?

— Пока ничего. Но если пожар случится, ко мне обязательно придете.

— Прекрасное предложение! Я подумаю и сообщу вам о нашем решении. — Но про себя подумал: «Вали дальше, урод! Таковую сумму захотел! А кукиш-мукиш не подойдет?»

Сам того не замечая, после разговора с думцем господин Дульчиков существенно изменился. Как будто даже несколько прибавил в весе. И шаг как-то сразу отяжелел. И пуговицы кителя напряглись, и швы затрещали, и шея вытянулась, и глаза прищур приобрели, и ноздри раздулись. Но главное — голова кругом пошла. Завертелась она в окаянном ритме, как будто он вовсе не в собственном кабинете с видом на Маросейку находился, а из кремлевских окон калифорнийские берега разглядывал. Вроде чушь ка-

кая-то географическая: как же со Спасской башни в самом центре Москвы можно пляж Санта-Моники рассматривать? Абсолютно ни у кого таких шансов нет! Следы сверхчеловека еще ведь не обнаружены! А вот у господина Дульчикова это получилось. И не просто так, мимолетно, вспышкой воспаленного видения, а очень даже устойчиво. Без каких-либо помех и чужеродных вкраплений. Он даже банк заметил с названием кириллицей: «Дульчикофф». Потом к девице стал приглядываться, которая, впрочем, слегка смахивала на Кузякина. И кожа такая же нежная. И глаза томные, влажные. И губы так же приоткрыты. Потом вдруг увидел, как его стол из офиса на Маросейке в калифорнийский банк вносят. На лифте на четвертый этаж поднимают. В этот момент он даже разнервничался, по-настоящему — правда, на чистом русском языке, — закричал: «На седьмой несите. Обязательно на седьмой! На министерский этаж! Что мне, всю жизнь на этаже начальников отделов

просиживать?» Вслед за этими наваждени-
ями ему вдруг совершенно неожиданно
явился Махахорин, и в очень даже комич-
ном виде. Директор С-го заводика смахивал
с его генеральского кителя лебязьими пе-
рьями пылинки и усердно чистил ему обувь.
В какой-то момент он даже снял туфлю с
левой ноги столоначальника, а потом и но-
сок, и влажной салфеткой стал ступню про-
тирать. Да так тщательно и нежно, что сер-
вис Семена Семеновича очень генералу по-
нравился. Тут он даже подумал: «Пусть те-
перь у меня работает. За телом и внешним
видом следит, а? Жесток я, но справедлив.
Незачем мужика без работы оставлять.
Снял его с заводика, пересажал нечисто-
плотную публику — теперь пусть ответствен-
ным делом будет занят. Для порядка иног-
да на него покричать необходимо, чтобы на
мой стол больше никогда не заглядывался.
Он, мошенник высшей гильдии, теперь по-
нял, как с генералом Дульчиковым состя-
заться!»

«Махахорин, душа твоя негодная, — опять прокричал он, — чисть мои ботинки так, чтобы они как зеркало сверкали!»

Видимо, услышав крик, в кабинет вошла Любаша Попышева.

— Что случилось, Аркадий Львович? — ее голос звучал ровно, без какого-либо волнения. Только тут столоначальник вернулся из своего путешествия за океан, распрощавшись с Махахориным, и опять оказался в своем офисе.

— А что? А? Все нормально! — несколько растерянно произнес генерал. Впрочем, он достаточно быстро полностью пришел в себя и тут же спросил: — Кто еще там в очереди меня дожидается?

— Елена Дмитриевна Куракина.

— Налей стакан водки и через пару минут приглашай эту даму. Пока!

«Она подружка жены Семиволоса из Госсовета. Должность его не высокая, но польза может быть вполне реальная», — подумал чиновник. Тут господин Дульчи-

ков выпил стакан водки «Большой» и сразу же решил повторить. Шутка ли, такое событие в жизни: получить крышу кабинета министров. Об этом весь российский бизнес мечтает! После второго стакана он бросился целовать и обнимать стол, всем телом прижиматься к нему, шептать нежные слова. Наедине со столом он терял всю свою независимость и невозмутимость. Ему захотелось даже что-нибудь спеть из фильмов шестидесятых годов. Он уже подыскивал в голове мелодию, но тут в кабинет гордо вошла госпожа Куракина. «Роскошная дама!» — пронеслось в его голове.

Елена Дмитриевна Куракина — с широко раскрытыми голубыми глазами, с подчеркнута добродетельной улыбкой, кокетливо распахнув на груди шелковую блузку — торопливо направилась к дубовому столу чиновника. На ее красивом молодом лице господин Дульчиков не мог не заметить следы легкой взволнованности.

— Хочу вас обнять! На носу рождественские праздники, а вы, милый Аркадий Львович, весь день на работе проводите! Что так? Прелести мира уже вам не интересны? Отторгли шикерию? Утонули в женской ласке за кулисами публичной московской жизни? — едва прикоснувшись к нему, она продолжила: — Из вашего замечательного букета беру белую розу, — и госпожа Куракина изящным движением вытянула цветок из вазы, обломила стебель и вставила розу в петлицу своего темно-зеленого жакета. — Вам нравится?

«По-моему, он пьян. Тем лучше для меня», — деловито подумала женщина.

— Да, прекрасно!

— Зная, что вы большой любитель красного вина, я принесла вам ящик великолепного пьемонтского напитка. Разрешаете моему личному помощнику внести вино? Он у вас в приемной.

«Как только охрана пускает к нам посетителей с бультерьерами, с ящиками вина,

с охапкой дипломов? Посетители стали приходить в федеральные министерства с любовницами, референтами, охраной, парикмахерами, имиджмейкерами, с корзинами азербайджанской и грузинской кулинарии... Что, мы живем уже в каком-то частном мире? Государства уже нет? Власть исчезла, закончилась? А, голубчик Дульчиков? А? Bravo! Я целую тебя, мое замечательное время! Моя райская пора! Пусть вносят вино. Как раз чертовски хочется выпить. Ведь у меня профессиональный праздник: Сантапукин мой! Моя крыша, мой зонт, шатер! Да здравствует господин Сантапукин! Мир ему, здоровья ему! Теперь, генерал, не зевай!»

Аркадий Львович тут же связался с секретарем и сказал:

— Проводи-ка, Любаш, да побыстрее, помощника госпожи Куракиной ко мне в столовую. Да и сама туда, кх-кх, направляйся: надо разогреть в микроволновке азербайджанские блюда. Открой пару бутылок при-

бывшего вина. — Потом добавил: — Елена Дмитриевна, вы-то сами пьете? У меня сегодня особенный день! Прощу к столу!

— Что такое, любезный? Католик празднует Рождество?

— Ничего подобного! Я не очень почитаю христианский календарь. Православный и католический. Я праздную сегодня, я праздную сегодня... — «Что же ей сказать?» — мелькнуло у него в голове. — Я праздную сегодня визит красивой дамы! Сердце мое радуется. Душа поет, хочется выпить итальянского вина...

— Пока мы не начали гулять, можно пару слов о деле? Меня привел к вам ужасный случай. Я представительница древнейшего княжеского рода России — Куракиных. Даже мой муж Белохвостов — он в Совете Федерации у председателя референтом служит — взял мою фамилию. Здесь, у вас, я представляю Дворянское Собрание Москвы.

«Как, она тоже оттуда? Сколько же дворян в Москве?» — удивился столоначальник. —

Выпью-ка я еще стаканчик водочки. Надо послушать, о чем поведает эта милая дама. Очень любопытно! Может, теперь они графа предложат? Как же мое полное имя будет звучать? Светлейший князь, его сиятельство граф, государственный советник третьего ранга Аркадий Дульчиков... Тяжеловато, но в духе времени».

— Вы как к водке относитесь, Елена Дмитриевна? Разрешите, кх-кх, налить?

— Милый вы мой, в вас сразу обнаруживается мужчина, редко бывающий в женском обществе. Такой даме, как я, — водки? Вы хотите, чтобы я потеряла голову? Заняла ваш стол и по-своему начала командовать в вашем департаменте? Водка для мужчины — блажь, раскованность в чувствах, сердечность. А для женщины это очень опасная жидкость! Мы быстро становимся агрессивными, хотим подчинять себе всех вокруг. Особенно мужскую половину. Если вы хотите стать моим пленником, то сделайте это без помощи водки. Это будет сногшиба-

тельная московская новость: генерал Дульчиков пленен княгиней Куракиной! Красота Елены Дмитриевны ошеломила Аркадия Львовича! Он влюблен в нее до умопомрачения! Поэтому бескорыстно провел расследование жульничества князя Нарницына, одного из предводителей столичного дворянства. Как вам понравятся такие заголовки газетных статей? Вас будет знать и любить все женское население столицы! Красиво? Красиво! Но такие газетные строки вызовут зависть у многих столичных тусовщиков. Что скажете?

Генерал молчал. Хмель начинал будоражить его воображение. Он смотрел в голубые глаза Елены Куракиной, и ход его мыслей принял неожиданный оборот. «Русские женщины — это такая тончайшая материя, что диву даешься! Вот как она свою речь закрутила, чтобы суть просьбы высказать. Через якобы газетные статьи. Умно! Очень умно! Может, поэтому в России такая анархия везде и разгуливает, что жен-

щин среди бюрократов и властителей ничтожно мало? А? Ну, дама из Нехотеевки, другая — с берегов Японского моря, третья — масенький правительственный мышонок. Кто еще? Нема! Баста! Все! В России сто пятьдесят миллионов граждан, и только две с половиной женщины ангажированы в политику. Вот почему у меня райская пора! Вот почему я, бюрократ, стал хозяином жизни. А ведь женщину так просто не проведешь. Попробуй перехитрить Куракину, а? Не удастся — ни пьяному, ни трезвому. Даже бюрократу это сделать не просто. В российских тюрьмах сидит около миллиона арестантов. Сколько из них женщин? Три процента! Есть ли они в Совете Федерации? Около двух процентов. В Госдуме — не больше шести! Вот она, арифметика славы мужской жизни. Пока женщины не взяли власть, можно активно работать на площадке бизнеса, а?» Тут Аркадия Львовича опять потянуло к выпивке: душа чиновника требовала праздника.

— Так вы выслушаете историю, приведшую меня к вам? — улыбаясь, но настойчиво спросила Елена Дмитриевна.

— Я все знаю, пойдемте лучше, кх-кх, выпьем. Стол уже накрыт. Хочу стакан итальянского вина!

— Что вы знаете?

— Вы хотите просить меня за Башмакова, да? Жаждете, чтобы наше ведомство вскрыло махинации по аренде офиса Дворянского собрания и возбудило против Нарницына уголовное дело. Не правда ли?

— Пора к столу. Посмотрим, чем столичные генералы дам угощают! — А сама подумала: «Откуда он знает о цели моего визита? Неужели кто-то донес? У Нарницына много шпионов».

В этот момент в кабинет вошла Любаша Попышева. Она подошла к Дульчикову и на ухо прошептала:

— Вас очень просит Махахорин. Уже третий звонок от него. Что ему сказать?

— Я сам возьму трубку... Привет, Семен Семенович! Ну, что? Проверочную комиссию к вам направляют? Их двадцать человек? Да что вы? Мне ничего не известно! Помочь? По телефону это не обсудишь, необходимо встретиться. Завтра утром? Нет! Никак нельзя. Я еще от Бридчиковой никакой информации не получил. Вначале одно дело надо завершить, потом за другое браться. А? Вы уже на Сивцевом Вражке? Хорошо, если Бридчикова позвонит, то я вас завтра жду. Если нет, то встретимся в другой раз. Хорошо, кх-кх, хорошо! Жду! Не волнуйтесь, сегодня любой вопрос можно решить. Конечно, сам бог велел свой стол защищать! Прощайте! — А сам подумал: «Задрожал, запрыгал! Будешь знать, как на имущество генерала Дульчикова зариться! Готовь, господин Махахорин, четверть миллиона! А может, и еще четверть! Когда я в атаке, ставки растут, а? Сегодня это уже вторая победа! Я для этой Куракиной готов все

сделать. При ней два главных звонка получил. Но, конечно, не бесплатно».

— Пить! Хочу вина! — возбужденно бросил столоничальник. — Прошу к столу!

Куракина и Дульчиков перешли в столовую.

— Теперь понимаю, почему вы так много времени на работе проводите. Радости много. А это дорого стоит. Вон как у вас глаза заблестели. Какая испарина на лбу! Какая улыбка на лице! Вы что, приготовили мне подарок? Наричин уже повержен? Меряет шагами камеру «Матросской тишины»? А вы сами стали графом! Граф Дульчиков? Так, что ли?

Аркадий Львович поднял бокал красного вина:

— Выпьем, сударыня! Я знал, что вы мне графский титул предложите. Хочу заметить, кх-кх, я никак не против. Пьем за графа Дульчикова!

— За графа Дульчикова! — восторженно поддержала Елена Дмитриевна. — Да! За

вас, добрый вы человек! — А про себя подумала: «Что у него можно еще просить? Денег, что ли, за графский титул? Все платят, почему генерала не обобрать?» — Аркадий Львович! Вам прекрасно известно, что члены Дворянского собрания — пока люди не богатые. А расходов у нас уйма. То одно необходимо сделать, то другое. Можно ли рассчитывать, что новоявленный граф, известный в столице генерал, одарит наше аристократическое сообщество спонсорским взносом? Тут не требуются какие-то заоблачные цифры. Двадцать тысяч долларов, двадцать пять. Как вы на это смотрите?

— Не мешайте гулять, не приставайте с мелочами! Я хочу пить! У меня сегодня великий день! — А в голове его тут же мелькнуло: «Нашла лоха на двадцать пять тысяч зеленых! Арестуй ей Нарницына, да еще деньги огромные заплати. Нужен мне твой титул, женщина! Но Сантапукин мне нужен! Сантапукин — он мой! Вот за него я бы любые деньги отстегнул. А что мне твой граф? Тьфу!»

В столовую вбежала Любовь Попышева. Она подошла к господину Дульчикову и на ухо шепотом произнесла:

— Звонила Бридчикова. Просила срочно передать: «Все о'кей».

«С новой удачей тебя, голубчик Дульчиков. Bravo! Отличная работа. Из таких вот ежедневных радостей и состоят будни российского бюрократа, — самодовольно подумал Аркадий Львович. — Этот директоришка только начал носить деньги. Но сколько придется ему заглядывать с пакетами в конторку банка “Рубин”, а? Знал бы он, с кем связался!»

— Иди, Любаша. Пока! Для всех я занят. Придумывай, кх-кх, что хочешь: совещание, командировка, на приеме у руководства. — И генерал продолжил общение с Еленой Куракиной: — Угощайтесь, княгиня, восточной кухней! Только вам я сегодня полностью доступен. День выдался трудный, но удачный. Его кульминацией стал ваш визит. Bravo, Елена Дмитриевна! — Столоначальник по-

дошел к ней, прикоснулся бокалом к ее изящному носику и выпил. — Превосходное «Баролло» от Гаи. Темный рубин — любимый цвет моего свободного времени. А легкий вкус смородины, пробивающийся сквозь терпкий аромат винограда, и мягкое ощущение танина, оставляющее гармоничное послевкусие, вызывают у меня истинное наслаждение. Спасибо, мадам! Прекрасное вино вы мне презентовали. Еще пару бокалов — и благодать снизойдет на мою душу.

Тут необходимо отметить: когда чиновник пьянел, он становился говорливым, его лексикон менялся, обретая некоторую академичность, как будто лишь алкоголь был способен высечь в нем искру ораторского таланта. Характерное же покашливание пропадало полностью. Впрочем, эту особенность влияния спиртных напитков на состояние господина Дульчикова никак нельзя назвать сугубо индивидуальной. Она свойственна большей части русского народа: алкоголь вызывает активность и красноречие.

— Многие мои знакомые, общаясь с женщинами, — продолжал Аркадий Львович, — конечно, если на столе достаточно вина, обязательно начинают декламировать стихи, а? Точно, стихи! Да таким звучным голосом, что забывают даже, что рядом находится существо, которое ждет не только поэтических строк. А меня влечет другая стихия. После выпитого мне на ум упрямо, порой даже беспардонно, лезут статьи из Лесного кодекса. И не какие-то там неосторожно пришедшие на ум и моментально забытые — они так и соскакивают с языка! — Господин Дульчиков опять налил бокал вина, выпил и продолжал: — С чего бы это? Не раз задавался я таким вопросом. Но ответа никогда и ни от кого не получал. Учился я, правда, в Лесной академии, но ее не закончил, а пошел на флот. Но что парадоксально, тексты вспоминаются не из учебников моего студенческого времени, а из книг неизвестной поры. Я даже такого и не учил вовсе. Правда, в этом не совсем уверен. Вот,

например, минуту назад я о лесном деле и думать не думал, а тут вдруг буквально сию секунду пришло на ум: «О продажах, по незначительности их, возможных к сбыту только местному населению, на удовлетворение собственных его потребностей, вместо публикации делается оповещение через местные волости и полицейские управления, не позже как за неделю до торгов, согласно правилам, данным на этот предмет министерством». Как, а? — Он опять налил себе вина и продолжал: — Или вот это: «Меры взыскания, постановленные в Уложении о наказаниях и в Уставе о наказаниях, а также и ниже сего в статьях 841 — 848, назначенные за самовольную порубку, поджог лесов и другого рода истребления леса, а также несоблюдение правил, предписанных для предупреждения лесных пожаров, распространяются и на те леса, в Сибири произрастающие, вольная порубка коих воспрещена обывателям». Как, а? Вот такая чушь лезет, Елена Дмитриевна, мне в голо-

ву. Порадоваться бы, столько событий вокруг меня происходит — новые проекты, назначения, только что Думу избрали, — но стоит мне к вину притронуться, как уставы лесного дела завладевают моим сознанием. А в вино я влюблен. Как же без него, а? Или вот это...

— Что, в вашем офисе женщинам запрещено хоть слово сказать? Аркадий Львович, разрешите мне о своем деле... К вам не так просто на прием попасть. Поэтому извольте, пожалуйста, выслушать.

— Мне хорошо известно, какие обстоятельства привели вас в офис. Вам надо упечь за решетку Нарницына, чтобы сохранить в целости Дворянское Собрание, а потом его предводителем избрать господина Башмакова. Так же, а? Конечно! Кстати, ваш графский титул за двадцать пять тысяч долларов мне совершенно не нужен. — Столона-чальник налил себе вина, выпил и продолжал: — Откуда такие деньги у скромного чиновника? Он мне и за сто долларов не ну-

жен. Подумаешь — граф! Я вот государственный советник, генерал, а своим званием не торгую. Помню, пару недель назад обратился ко мне один знакомый торговец. Неприметный человек, но богатый. Говорит он мне: усынови моего Степку. Мол, что у него за родословная: сын мелкого лавочника (лавок у приятеля по всей Москве больше тысячи), и фамилия вздорная — Лошкочкоев, и судимость за подделку мирового бренда. А так станет он сыном заслуженного генерала, отпрыском государственного советника, и фамилия, говорит, у вас звучная — Дульчиков. Готов, говорит, подписать с вами контракт, что беру на себя пожизненно все расходы на ваше питание, одежду, коммунальные расходы по квартире. Вот какое предложение он мне сделал! А я даже пальцем не пошевелил. Что мне граф, а? Пришел мне на язык очень любопытный текст...

— Разрешите перебить: есть много желающих, готовых целых пятьдесят тысяч за

титул платить. Была даже одна дама, чей спонсор за титул княжны сто тысяч долларов предложил. Что ж тут плохого, если Собрание Дворян делает вам такую огромную скидку? Даже многие чиновники платят полную стоимость. Давеча замминистра Дрязгину и из Московской мэрии Шапкину в Колонном зале титул вручали... Поверьте, многие в очередях стоят!

— Генералы в сомнительном спонсорстве не нуждаются. Я просил вас оставить эти темы. Елена Дмитриевна, вы мало пьете. Опасаетесь хмеля? Да, женщины всегда всего боятся. Ну что может произойти? А? Я предложу вам эротический танец? Нет! Начну приставать к вам с неприличными предложениями? Нет! Пейте, княгиня Куракина. Примкните душой к моему скромному празднику. Вино сделает вас свободной от предрассудков, подскажет правильную линию поведения в общении с генералом. Спешите! Поднимайте бокал. Пьем

за торжество власти в России! — Столоначальник не стал ждать Куракину и залпом выпил.

«Он уже пьян. Что будет после еще одного-двух бокалов? Надо уходить. Какой смысл общаться с пьяным чиновником?»

Она прикрыла полуобнаженную грудь шелковой кофточкой и сказала:

— Я никудышний собутыльник. Да и уходить мне пора. Я так поняла, мою просьбу вы выполните?

— Если красивая женщина просит, я всегда иду навстречу! — А про себя решил: «Ничего я не сделаю. Иди прочь, грубиянка! Невоспитанная! С меня взятку потребовала! С генерала — двадцать пять тысяч долларов!»

— Тогда я пошла. Надеюсь, что пьемонтское вино доставит вам удовольствие.

— Пока! Выход — вот здесь.

Госпожа Куракина вышла из столовой. Состояние ее было скверным и озабоченным. «Этот Дульчиков — или последний на-

хал, или отъявленный пьяница. За вино даже как следует не поблагодарил!»

Наконец столоначальник остался один. Он пригасил яркий свет, уселся за стол, налил себе вина, стал жевать какой-то кусок мяса и раздумывать. «Слава богу, заканчивается еще один рабочий день. Как говорится, можно баланс подвести. Сегодня я заработал крышу Сантапукина! Это был самый богатый улов 2003-го года. Словно новогодний подарок от самого-самого получил! Четверть миллиона долларов уже в “Рубине”, а? Немного, но хорошо! Здорово! Завтра я Махахорина опять в банк потащу. Заставлю этого грабителя высшей гильдии еще столько же положить. Правда, моя доля будет незначительной — только одна четверть. Но тоже неплохо! Вадбольский обещал бумагу от Дворянского Собрания, удостоверяющую, что ожерелье — из царской семьи. Тоже прибыльное дело. Я за этот документ

губернатора на пару миллионов раскручу. Мамедов? Смешной человек, но тоже польза будет! Кузякин — этот молодец. Обещал укрепить мою крышу, залить ее сургу-чом, чтобы ни одна сволочь на мой стол не зарилась! Его Жаспупин — влиятельное лицо в ведомстве. А то, что он *этот*, так мне какое дело? Гусь, Трещалов, Клещивцев — с ними надо еще работать. Но Семенюра тоже с деньгами. Он парень не промах. Поутру надо спросить о моих цифрах. Единственный прокол — Куракина. Да что с нее возьмешь? Амбиций много, а на поверку — ноль! Глупая пустышка. А впрочем, не торопись, голубчик Дульчиков, я еще никого без собственного интереса не оставлял, а? На завтра у меня семь человек записаны. Надо быть в форме».

Он выпил еще вина, снова наполнил бокал, откусил небольшой кусочек сморщенного холодного шашлыка, заел его какой-то южной травкой. Глаза его стали слипаться, потом совсем закрылись. Во рту ос-

талась непроглоченная пища, а в голове — неоконченные размышления. Все его тело обмякло, нос уткнулся в тарелку с объедками, и господин Дульчиков стал похрапывать. И вместе с протяжным сильным храпом из его рта стали вылетать остатки азербайджанских деликатесов. Шутка ли, выпить триста граммов водки и бутылку «Баролло» от Гаи — четырнадцатиградусного красного вина!

Митька Кондрюшкин внес в кабинет столоначальника толстую, с кулак, веревку. Одним ее концом обвязал отопительную батарею, остальное смотал в круг и положил на подоконник. Потом прибил к потолку лебедку, к двум ножкам дульчиковского стола прикрепил канат, перебросил его через блок, а конец оставил на столе. Господин Кондрюшкин работал молча, со знанием дела и в добром расположении духа. Закончив первый этап задания, полученного от

шефа, Митька вытащил из сумки небольшую бутылку с неизвестной жидкостью, вылил ее на пол в углу кабинета, почти у двери, зажег спичку и бросил на мокрое пятно. Кондрюшкин вначале с любопытством, а потом с нарастающей внутренней радостью стал наблюдать, как запылал пол в углу. В черных глазищах Митьки легко можно было наблюдать, как синий цвет пламени менялся на желтый. Когда кабинет наполнился дымом, он вытащил из кармана счета за покупки, заказанные хозяином, небрежно швырнул их в огонь и со всем своим барахлом через черный ход незаметно покинул помещение.

Аркадий Львович почувствовал едкий запах. Он хотел было закрыть нос полотняной салфеткой, протянул за ней руку, но наткнулся на тарелку с пахлавой. «Сладкая вещь, и с отменным запахом», — подумал генерал. Он придвинул ближе к

себе восточное яство, чтобы надкусить медовый пирог, но вначале решил выпить вина. Тут на ум чиновнику опять пришел текст из лесного кодекса: «Кроме лесов казенных и крестьянских, в сибирских губерниях находятся также леса, приписанные к разным казенным промыслам и заводам». Господин Дульчиков усмехнулся: «Да что ж это такое, а? Может, знаменье какое? Ждет меня стол в Департаменте Природных Ресурсов? А что? Там тоже не заскучаешь. Но запах, запах дыма-то откуда, а? Неужели вверенные мне леса уже горят? Торфяники огнем охвачены? Пора Клещивцевым звонить: старший пусть наряды высылает, а младший — тушением руководит. А! Неужели это Митька красного петуха пустил, мое поручение выполнил? Тогда срочно тикать надобно. Стол спасать! Как же я без стола-то, а? Никак невозможно!»

Аркадий Львович бросился в свой кабинет. Часть помещения была уже в огне и

дыму. Только тут столоначальник по-настоящему перепугался. Он подскочил к столу, с помощью лебедки быстро поднял его на уровень подоконника и вдруг признал в нем Дуську.

— Ну, что будем делать? — неожиданно спросила она.

Аркадий Львович стал расцеловывать ее всю со страстью влюбленного.

— Дуська, Дуська, — шептал генерал, — не дам я огню твои ноги лизать. Ты ведь вся моя! Или вместе сгорим, или вместе выживем!

— Гореть не намерена! — голос Дуськи звучал холодно и категорично. — Сам все затеял, сам и выпутывайся.

Генерал торопливо открыл окно на Маросейку, вытолкнул стол на подоконник, водрузил на него свое кожаное кресло, потянул за канат и начал было спускаться — но тут заметил, как с балкона третьего этажа собственного офиса младший Клещивцев в мундире майора подмигивает ему и орет:

— За спасение требую сто тысяч долларов! Плати наличными — или гори в огне Страшного Суда!

— За что? — опешил господин Дульчиков. — Я же тебе майора выхлопотал! — А сам подумал: «Я-то с Дуськой повис. Мы не спускаемся. Застряли, а? Выживу, стол спасу — тогда отпрыску пожарного не будет места в моем отделе. В Министерстве он лишним окажется, да что в Министерстве — во всей Москве!»

— Прошлое и будущее не в счет, — настаивал Клещивцев. — Выкладывай зеленые. Мне сегодня жить надо! Я в политику тороплюсь. Спешу карьеру строить! Что мне завтра? Будущее? Это для вас, для дурачков!

Тут Дульчиков заметил, что огонь подступает к канату. «Плати ему, плати! — настойчиво потребовал внутренний голос. — На том свете деньги не потребуются! Жить надо!»

— Плати немедленно! — словно угадав генеральские колебания, взвизгнула Дусь-

ка. Дульчиков осторожно слез с кресла на стол, открыл ящик, вытащил из него сто тысяч долларов и бросил их на балкон в физиономию Клещивцева.

— Давай, спускай быстрее! Огонь почти у самого носа! — завопил генерал.

— Учись платить! — рассмеялся молодой человек и сделал неведомый тайный знак рукой.

Какая-то волшебная сила стала опускаться на тротуар стол, кресло и Дульчикова с трогательной заботой, с мягкостью VIP-сервиса. Генералу даже показалось, что спускается он не на столе, а в обнимку с Дуськой. И не просто в обнимку, а в совершенно недвусмысленной позе. Что его губы то и дело касаются ее тела, и вот-вот наступит оргазм.

Сладчайшая истома настигла его прямо на улице. Он медленно, несколько даже лениво слез со стола, снял с него кресло и занял свое рабочее место. Многие записавшиеся к нему на прием уже

выстроились в очередь. Казалось, вся Маросейка заполнилась публикой, стремящейся к столоначальнику Дульчикову. Лица посетителей были напряжены. Один держал сумку, другой — портфель, кто-то — ящик, пакет, шкатулку, чемодан, мешок. «Доходный день предстоит, — подумал чиновник. — Сегодня необходимо поднять ставки. На пятнадцать, нет, на двадцать процентов! Платишь — дело сделано, отказываешься раскошелиться — жду, пока не поумнеешь. Вопрос просто решается. Никакого давления!»

Но тут произошло неожиданное: к чиновнику на прием пришло известное лицо из Совета Федерации. Вслед за ним появились рабочие в спецовках с надписью «Мэр-строй», огородившие чиновника и сенатора ширмой из тяжелого сукна. Дульчиков хотел было по привычке кликнуть Любку Попышеву, чтоб принесла чаю для почтенного гостя, но тут же вспомнил, что на самой улице Маросейке секретарша ему

не нужна и что она вообще скорее всего погибла в огне.

Между тем сенатор обратился к столоначальнику:

— Разрешите открыть на Старой площади магазин по продаже мышей и других мелких грызунов? Этот бизнес весьма актуален в преддверии будущих выборов.

— Прошу прощения, кх-кх, не совсем понял: какая связь между важнейшим политическим событием нашего Отечества и всяческой космополитической тварью? — искренне удивился Дульчиков.

— Вы, генерал, бывали в зоомагазине?

— Когда-то очень давно. А что?

— Элитные хищники питаются грызунами, а их в столице бесчисленное количество. Они свободно носятся по нашим мостовым. Вон сколько их на вашей улице! Дошло? — и сенатор недовольно взглянул на столоначальника.

То ли Аркадий Львович больше думал о Дуське, то ли о длиннющей очереди к ней

прямо на Маросейке, но он ничего не понял. Тем не менее, чтобы не огорчать известное лицо, он сказал:

— Да! Я вас, кх-кх, понял! — А сам задумался, о чем же говорил с ним сенатор.

— Бизнес можно выстроить замечательный. Моя команда ловит крыс, ваша — продает их Прагатову.

— Кто он, Прагатов?

— Менеджер избирательных технологий, он же — дрессировщик змей и хищных птиц. А удавы, орлы и шакалы — локомотивы любой избирательной компании. Соглашайтесь, дружок Аркадий Львович, зарабатывайте себе еще одну звездочку!

— Очень нам нужна твоя звездочка! Мы охотимся за другими ценностями, — вдруг фыркнула Дуська.

— Вы что-то сказали? — поинтересовался сенатор.

— Нет-нет, вам послышалось, — поспешно ответил чиновник. — Я обдумываю ваше заманчивое предложение.

Как только известное лицо из Совета Федерации попрощалось с господином Дульчиковым, ширма из плотной ткани тут же исчезла, и Аркадий Львович наконец заметил, что вся Маросейка заставлена пожарными машинами, а неведомо откуда взявшийся Клещивцев-старший направляет брандспойт прямо генералу в лицо. «Что это с ним, а?» И господин Дульчиков закричал в жутком испуге:

— Да это же я!

Любаша Попышева поминутно отвечала на телефонные звонки. Все спрашивали Аркадия Львовича. Одним она говорила, что он на совещании, другим — что начальник в командировке, третьим — что господин Дульчиков в Кремле получает награду; что он работает в комиссии, проверяющей Ялуторовский медный комбинат; что он выступает на радио; что у него группа журналистов берет интервью; что он у министра;

что он у губернатора; что он на экспертном совете. Секретарь Попышева говорила со всеми абсолютно равнодушно, без всякого личного интереса. Любочке из Гдова было все равно, потому что она совершенно безразлично относилась и к себе, и к окружающему миру. Давно уже ставшая привычной мысль: «Ну и ладно... Да и какая разница?» — вновь и вновь всплывала в ее сознании.

Январь, 2004 год.

**Другие книги
Александра Потёмкина**

«Изгой», роман

«Игрок», повесть

«Бес», повесть

Наши книги вы можете приобрести
в книжных магазинах и Интернете
или заказать в ИД «ПоРог»
по тел. (495) 611-03-39, (916) 859-04-82

Другие книги Александра Потёмкина

«Я», повесть

«Отрешенный»,
сборник рассказов

«Мания», роман

Наши книги вы можете приобрести
в книжных магазинах и Интернете
или заказать в ИД «ПоРог»
по тел. (495) 611-03-39, (916) 859-04-82

**Другие книги
Александра Потёмкина**

«Человек отменяется»,
роман

«Кабала», роман

«Русский пациент», роман

Наши ниги вы можете приобрести
в книжных магазинах и Интернете
или заказать в ИД «ПоРог»
по тел. (495) 611-03-39, (916) 859-04-82

Александр Потёмкин
«Стол»

Литературный редактор и корректор

Наталья Егорова

Художественный редактор

Анастасия Потёмкина

Художественное оформление

Игорь Резников

Издательский Дом «ПоРог»

Генеральный директор

Ирина Толмачёва

Подписано к печати _____

Формат 70x90 1/32. Бумага офсетная

Печать офсетная. Печ. л. 7

Тираж 3 000 экз. Заказ № _____

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного оригинал-макета

в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы. 97.